

Священномученик ДИОНИСИЙ АРЕОПАГИТ

О ЦЕРКОВНОЙ ИЕРАРХИИ

ГЛАВА 1

Дионисий пресвитер сопресвитеру Тимофею

Как учреждена церковная иерархия и какая цель ее

1. Священнейшее из священных чад! Нам настает нужда показать, что наше священноначалие есть дело от Бога исходящее, и божественное, и боготворного ведения, и силы, и совершения, показать на основании премирного, священнейшего учения тем, кто через иерархические таинства и предания восприняли всю полноту священного таинства. Смотри же, как бы священнейшей святыни не вынести из ограды Церкви; поступай осторожно и тому, что касается сокровенного Бога, воздавай честь мысленным и незримым углублением, сохраняя это недоступным и неприкосновенным для непосвященных, а одним освященным сообщая святыню достойно святыни - вместе с освященным просвещением. Ибо так именно, как богословие предало нам, участникам таинств, сам Иисус, богочайшая и пресущественная премудрость, начало, сущности богочайшая сила всякого священноначалия, освящения и обожения, блаженнейшие и лучшие нас существа озаряет светлее и духовнее и по мере сил каждого уподобляет собственному свету, а что касается нас, то устремленной к Нему и влекущей нас добру любовью Он сближает многочисленные различия, существующие между нами, и, возводя нас к единовидной и божественной жизни, порядку и образу действий, дарует священнолепную силу божественного священства. Через нее-то, вступая в святое дело священнослужения, мы и сами становимся ближе к высшим нас сущностям через сильное уподобление их твердому и неизменному священному стоянию в добре, и, таким образом возрев к блаженному и богочайному свету Иисусову и, насколько возможно видеть, священно узрев и просветившись ведением тайн, мы можем сделаться посвященными в таинственное ведение и посвященными, световидными и святителями, совершенными и совершителями.

2. А каково священноначалие у ангелов и архангелов, у премирных начал, властей, сил, господств, божественных престолов и равночинных престолом сущностей, о которых богословие учит, что они ближайшим образом и всегда пребывают окрест Бога и с Богом, и которые называет на еврейском языке херувимами и серафимами; рассмотрев священный порядок и разделения этих чинов и священноначалий, найдешь, что в этих описаниях мы не вполне, конечно, достойно, но, сколько доступно нам было и как поведало богословие Священнейших Писаний, воспели их иерархию. Необходимо, впрочем, сказать, что как та, так и вся эта теперь воспеваемая нами иерархия имеет одну и ту же для всех действий священноначальнического служения силу - именно иерарха, так как его собственно лицу, и достоинству, и чину предоставляется воспринимать всю полноту совершенства в вещах божественных и обожения и подчиненным каждому по достоинству сообщать пребывающее в нем от Бога священное обожение; а подчиненные (пресвитеры, диаконы и другие чины церковные), сами следуя высшим, ведут вперед низших, которые тоже и сами идут вперед и других, насколько

возможно, руко водствуют, и каждый при такой богоучрежденной связи иерархической делается по мере сил причастником истинной и действительной красоты, и мудрости, и доброты.

Но высшие нас сущности и чины, о которых мы благоговейно упомянули, бестелесны, и священноначалие у них мысленное и премирное. А наше священноначалие мы видим преисполненным, подобно нам самим, разнообразия чувственных символов, при помощи которых мы в свойственной нам мере священноначальственно возводимся к единообразному обожению, к Богу и божественной добродетели. Те, как бесплотные умы, воспринимают мысль, как она влагается им; а мы чувственными образами возводимся, насколько возможно, к божественным созерцаниям. А правильнее сказать, едино то, к чему стремятся все богозрители, только неодинаково делаются причастниками его, хотя оно едино и всегда одно и то же, но кому какой, смотря по достоинству, божественные весы уделают жребий.

Впрочем, об этом сказано у нас подробнее в сочинении «О мысленном и чувственном». Теперь же попытаюсь, сколько смогу, поговорить о нашей иерархии, о ее начале и сущности, признав начальника и совершителя всякого священноначалия Иисуса.

3. Иерархия вообще, по досточтимому нашему преданию, есть всецелый объем священноначалия вообще или собственно священных чинов. У нас иерархией называется и является служение, обнимающее все священные действия, на которое будучи посвящен, божественный иерарх сам в себе делается причастным всякой святыни как соименный иерархии. Ибо, как упомянувший иерархию на поминает вместе с этим в один раз весь священный чин, так и говорящий об иерархе указывает на приближенного к Богу и божественного мужа, просвещенного священным ведением, - мужа, в котором во всей полноте заключается и является все зависящее от него священноначалие. Начало такой иерархии сокрыто в Источнике жизни, в самом существе благодати, в единственной Причине всего сущего, во Святой Троице, от которой по благодати истекает для всего сущего жизнь и все блага жизни. Она-то превыше всего, богочаще блаженная, единая истинно сущая Троица-Единица непостижимо для нас, но ведомо для Себя, хочет разумного спасения нашего и высших нас существ. Но оно (спасение) не иначе может быть совершено, как через обожение спасаемых. Обожение же есть уподобление по мере возможности Богу и единение с Ним. Общая цель всего священноначалия есть постоянная любовь к Богу и вещам божественным, при помощи Божией единообразно во всех нас священнодействующая, а еще прежде этого совершенное и невозвратное удаление от зла, познание сущего, каким образом оно существует, исследование и ведение священной истины, боговспомоществуемое причастие единообразного совершенства по мере сил каждого, наслаждение созерцанием, которое мысленно питает и обоживает всякого, кто стремится к нему.

4. Итак, мы говорим, что богоначально-блаженное естество божественное, начало обожения, от которого приемлют обожение обоживаемые по благодати Божией, даровало священноначалие ради спасения и обожения всех разумных и мысленных существей. Премирным и блаженным ликам оно даровало священноначалие невещественное и мысленное, потому что Бог возводит их к вещам божественным не внешним образом, но мысленной внутренне, в чистом и невещественном свете озаряя их божественными велениями. А нам то, что тем даруется просто и вдруг, нам это сообщается, сколько для нас доступно, на основании богопреданных словес, в разнообразии и множестве различных символов. Ибо сущность нашей иерархии составляют богопреданные слова. Самыми досточтимыми словами мы считаем те, которые преданы нам богодухновенными священносовершителями нашими в священных книгах и богословских писаниях; равно как и те, коим наши вожди научены были от тех священных мужей более невещественным способом наставления, который некоторым образом подходит к способу наставления небесной иерархии, от ума уму при посредстве слова телесного, хотя более невещественного, без писания. И это-то божественные иерархии предали сонму священнослужащих не в неприкровенных понятиях, а в священных символах, потому что не всякий освящен и не во всех, как говорит Писание, разум (1 Кор. 8, 7).

5. Итак, как должно было, первые вожди нашей иерархии сами, от пресущественного Богоначалия преисполнившись священного дара и будучи посланы богоначальной благодатью служить проводниками его и со своей стороны как достигшие уже обожения, независтно жаждая возведения к совершенству и обожения тех, которые за ними следовали, предали нам через священные установления посредством писанных и неписанных своих наставлений в чувственных образах пренебесное, в разнообразии и многообразии то, что само в себе едино, в человеческих вещах - божественное, в вещественном - невещественное, и в том, что свойственно нам, - пресущественное. И это не ради непосвященных только, которым непозволительно касаться даже символов, но по тому, что наша иерархия, как я сказал, соответственно нам самим есть в некотором смысле символическая, имеющая нужду в чувственных вещах для божественного возведения нас от них к вещам духовным. Смысл символов открыт божественным священносовершителям, но им не дозволено открывать его только еще совершаемым, так как они знают, что законоположники богопреданной святыни распределили священноначалие между постоянными и несмешиваемыми порядками чинами и между соответственными достоинству каждого и священными степенями. А потому, пребывая верным своим священным обетам, потому что помнить их - священный долг, превышающего все священноначальства священнослужения не передавай никому другому, кроме единичных тебе богообразных священносовершителей, и их убеждай обещать по иерархическому установлению с чистотою касаться чистого, и только Божиим людям делать причастниками вещей боготворных, и людей совершенных причастниками вещей, способствующих совершенству, святых - причастниками всесвятейшего; кроме всего другого, что касается священноначалия, я передал тебе и этот божественный дар.

ГЛАВА 2

О том, что совершается в просвещении [крещении]

I

Итак, нам священнопредано, что цель иерархии нашей есть наше уподобление, сколько возможно, Богу и единение с Ним. А этого, как учит слово Божие, мы можем достигнуть единственно любовью к достопочи таемейшим заповедям и священносовершениям их. Ибо Христос говорит: *Аще кто любит Мя, слово Мое соблюдает: и Отец Мой возлюбит его, и к нему приидем, и обитель у него сотворим* (Ин. 14, 23). Что же служит началом священносовершения святейших заповедей? Предание священного божественного возрождения нашего, приготовляющее душевные расположения наши к восприятию других священнословий и священнодействий, пролагающее для нас путь восхождения к пренебесному наследию. Ибо, как сказал славный наставник наш, самое первое движение ума к божественному есть любовь к Богу, а самый начальный шаг священной любви к священносовершенению божественных заповедей есть неизреченнейшее дело нашего обожения.

Если же обожение есть божественное рождение, то тот, кто не получил начала обожения, никогда не может ни узнать, ни совершить ничего из богопреданного. И нам, скажем по-человечески, не нужно ли сначала получить бытие, а потом делать то, что свойственно нам, потому что вовсе не существующее не имеет ни потребности действий, ни бытия, а что существует известным образом, то делает или чувствует по своему собственному естеству? Но это, я думаю, само по себе очевидно. Начнем же по порядку рассматривать божественные символы божественного рождения. Только никто непосвященный да не приближается к созерцанию, потому что небезопасно, когда солнечное сияние падает на глаза немощные, и небезвредно брать в руки то, что не по нашим силам. И подзаконная истинная иерархия отвергла Озию за то, что он прикоснулся к святыне, Корея - за то, что коснулся высшей его святыни, а Наава и Авиуда - за то, что свои дела совершали не благоговейно.

II. Таинство просвещения

1. Иерарх, по подобию Божию постоянно желая *всем человеком спастися в разум истины прийти*, проповедует истинно благие вести, что Бог, умилованный над земнородными по своей собственной и всегда присущей Ему благодати, сам ради человеколюбия удостоил благоволительно снизойти к нам и через соединение, подобно огню, раскаляющему железо и делающему его огневидным, себе уподобить тех, с кем вошел в единение по мере их готовности к обожению. Ибо *елицы прияша Его, даде им область чадом Божиим быти, верующим во имя Его: иже не от крове, ни от похоти плотския, но от Бога родишася* (Ин. 1, 12-13).

2. Возлюбивший священное причастие этих истинно премирных вещей, пришел к кому-нибудь из посвященных в тайны веры, просит его руководствовать себя на пути к иерарху; сам между тем обещается со всею совершенною покорностью следовать всему, что будет преподано, и просит, чтобы тот воспринял на себя попечение как о приведении его к вере, так и о всей последующей жизни. Этот восприемник, с одной стороны, пламенея священным желанием спасения обращающегося, а с другой - соразмеряя высоту дела человеческую немощь и объемлясь невольным страхом и недоумением, благосклонно наконец дает обещание исполнить просьбу и, взяв его, приводит к соименнику иерархии (т. е. иерарху).

3. Иерарх, с радостью приняв одного из этих двух мужей, как овцу на плечи, сначала мысленным благодарением и видимым телесным поклонением воздаст честь и хвалу единому благодетелю Началу, от которого зависит призывание призываемого и спасение спасаемого.

4. Потом, созвав в священное собрание весь священный чин для содействия себе и для соприлюдования спасению человека, а вместе и для возблагодарения божественной благодати, он сначала священнословит вместе со всем церковным собранием какую-нибудь песнь, находящуюся в слове Божиим, а потом, облобызав священную трапезу, идет к пришедшему мужу и спрашивает у него, чего желая, пришел он.

5. Когда этот муж по наставлению восприемника боголюбезно осудит безбожие, неведение истинного добра, отчуждение от божественной жизни и станет просить о приближении через священное посредство его (иерарха) к Богу и вещам божественным, тогда иерарх внушает ему, что обращение его должно быть всею совершенное, как обращение к Богу всею совершенному и непорочному. Потом, раскрыв ему богоугодный порядок жизни и спросив, будет ли он так жить, после обета со стороны вопрошаемого возлагает на голову его руку и, запечатлев крестным знаменем, повелевает иереям записать имя этого мужа и его восприемника.

6. Когда их запишут, он совершает священную молитву и по заключении от всей церкви (возгласом: *Аминь*) - через священнослужителей разрешает просвещаемого и снимает с него верхние одежды. Потом, поставив его лицом на запад с простертыми руками, обращенными к той же стороне, повелевает ему трижды дунуть на сатану и вслед за этим произнести слова отрицания. После того, трижды спросив его (готовящегося к крещению), отрицается ли он, когда тот трижды произнесет отрицание, иерарх обращает его к востоку, и, тогда как он возводит к небу очи и простирает руки, иерарх повелевает ему сочетаться со Христом и со всеми богопреданными священнодействиями.

7. Совершив это, иерарх опять требует от крещаемого троекратного исповедания и, когда тот троекратно повторит это исповедание, помолвшись, благословляет его и возлагает

руки. Затем священнослужители снимают с него одежды, а священники приносят святой елей помазания. Иерарх, начав помазание троекратным запечатлением крещаемого и потом передав его иереям для помазания всего тела, сам идет к матери сыноположения (т. е. купели) и, освятив воду ее священными призываниями, совершив ее тремя крестовидными возлияниями всеосвященного мира и равночисленно со всесвященным возлиянием мира воспев священную песнь вдохновения богодухновенных пророков, повелевает привести крещаемого. Когда один из иереев возгласит по записи имя самого крещаемого и восприемника его, то крещаемый вводится иереями в воду и подводится под руку иерарха. А иерарх, стоя на возвышенном месте, когда иереи снова близ воды провозгласят вслух имя крещаемого, трижды погружает его, возглашая при трех погружениях и возведении тройственную ипостась Божественного блаженства. После этого иереи, взяв крещаемого, вручают восприемнику и руководителю его в обращении к вере и, вместе с ним возложив на него приличную одежду, опять приводят к иерарху, который, запечатлев его богодейственной миром, объявляет наконец достойным причащения священносовершительной Евхаристии.

8. Совершив это, иерарх снова от исхождения ко вторым делам служения своего устремляется к созерцанию первых, как человек, никогда и никаким образом не обращающийся от свойственного себе к чему-либо чуждому, но всегда и непрестанно переводимый богом на чальным Духом от божественных вещей к божественным.

III. Созерцательная сторона (таинства крещения)

1. Таково со стороны обрядов совершение священного Богорождения, не имеющего ничего не благообразного или не священного; не одни только чувственные образы в себе заключающее, но и тайны боголепного созерцания, образуемые естественными и свойственными людям видимыми действиями. Ибо если даже умолчать о божественном смысле того, что делается при крещении, в чем могло бы показаться несовершенным это священнодействие, которое проповедью и божественным наставлением священноустраивает приходящего к доброй жизни и естественным очищением посредством воды проповедует ему о высшем, чем очищение телесное, очищении от всякой скверны посредством добродетельной и божественной жизни? И так, если бы это обрядовое предание совершающегося при крещении и не заключало в себе ничего более божественного, я думаю, и в этом случае не было бы оно чуждым святыни, с одной стороны предлагая учение о благоустроенной жизни, а с другой - всецелым естественным очищением тела водою образно знаменуя все совершенное очищение жизни греховной.

2. Но пусть это первоначальное душеводство предоставлено будет несовершенным, отделяя, как уже заведено, от толпы то, что принадлежит иерархии и само по себе всегда единовидно, и распределяя между различными чинами возведение к горнему в приличной соразмерности. А мы, на священных степенях прозирая к началам совершаемых обрядов и

священно посвященные в их тайны, - мы знаем, каких чертони суть отпечатки и каких тайн образы. Ибо, как ясно показано в сочинении «Омысленном и чувственном», есть святыни - отображения святынь мысленных, и руководство, и путь к ним; и есть святыни мысленные - начало и тайна чувственных иерархических действий.

3. Итак, мы говорим, что благодать Божественного блаженства, преисполненная всегда одинаковыми и всегда в одном количестве благотворными лучами собственного света, независтно распространяет их ко всем мысленным очам. Если самовластная свобода разумных существ отдалается от духовного света, подавляя любовью к злу насажденные в них от природы способности к просвещению, то становится чужда ему, хотя присущий свет не отступает, но светит ее смеженным очам и благоволительно течет к ней, несмотря на то, что она отвращается. Если же она переступает пределы того, что соразмерно с ее силами дано ей видеть, и дерзостно покушается подняться к свету, превышающему ее зрение, то свет ничего не делает несвойственного свету, но она, сама несовершенная, приражаясь к совершенному, несвойственного ей не до стигнет, а от того, что ей не по силам, бесчинно презрев меру, сама через себя удалится. Впрочем, как я сказал, божественный свет всегда благо творно простирается к мысленным очам и может быть воспринят ими, так как находится при них и всегда готов к боголепному сообщению своих лучей. Этому-то образцу уподобляется божественный иерарх, независтно простирающий ко всему лучи богопросвещенного своего учения и всегда богоподражательно готовый просветить приходящего, не обнаруживающий ни зависти, ни чуждого святыне гнева на прежнее отступление или невоздержание, но богопросвещенно, священно начальственно осиявающий постоянно приходящих своими световожделениями, благолепно, чинно сообразно со степенью восприимлемости каждого к священным вещам.

4. Но Божество есть начало священного порядка, по которому священные умы становятся самопознающими, того именно порядка, по которому востекающий к созерцанию собственной природы сначала сам увидит, что такое он, и получит это как первый священный дар от воззрения на свет, а рассмотрев хорошо беспристрастными очами, что в нем есть, он удалится от темных тайников неведения. Но, будучи несовершен, он не вдруг возжелает совершительнейшего единения и причастия Божия, а мало-помалу будет возводим от того, что в нем есть хорошего, к лучшему, от лучшего к самому совершеннейшему и, наконец достигши совершенства, будет возведен последовательно священно к богоначальной высоте. Образом этого благолепного и священного порядка служит стыд приходящего и смиренное самосознание, требующее восприимчика, как проводника на пути к иерарху. Приводимо го таким образом Божественное блаженство приемлет в общение с собою и сообщает ему как бы некое знамение, собственный свет, делая его приближенным к Богу и общником наследия вещей божественных и священно чинов состава Церкви. Священным символом этого служит запечатление крестным знаменем, даруемое приходящему от иерарха, и спасительная запись иереев, сопричисляющая его к спасаемым и вносящая в священные памятники вместе с ним и восприимчика: одного - как истинного ревнителя животворного пути к истине и спутника на этом пути богопосланному вождю, а другого - как благонадежного руководителя для того, кто следует богопреданным наставлениям.

5. С другой стороны, невозможно в одно и то же время быть причастником вещей, совершенно противных друг другу, и получившему некоторого рода общению с Единым нельзя иметь раздельные жизни, если он твердо стоит в общении с Единым, но надо быть неустойчивым и непреклонным при всех случаях к разделению Единого. В священное знамение этого преданные нам обряды, обнажая приходящего от прежней жизни и разрешая даже от самых последних ее следов, поставляют его, нагого и разутого, лицом к западу, и он протяжением рук, как бы отталкивающих нечто, выражает отрицание от общения с темным злом и как бы выдыхает одержавший его навык ко злу и громкогласно произносит совершенные отречения от того, что противно богообразию. Когда таким образом он сделался совершенно освобожденным от уз и чуждым общения со злом, обряд обращает его на восток, внушая, что твердое стояние в божественном свете и стремление к нему может быть только при совершенном удалении от зла, и с доверием принимают крещаемого, уже соделавшегося единовидным, священные обеты всецелого сочетания с Единым. Но посвященным в тайны иерархические, я думаю, известно, что разумные существа приобретают неизменяемость богообразного состояния через постоянные усилия и стремления к согласию с Единым и через все совершенное умерщвление и уничтожение всего, противного Ему. Ибо не только удалиться надо от всякого зла, но и быть мужественно непоколебимым, всегда безбоязненным в отношении к пагубным влечениям ко злу и никогда не оставлять священной любви к истине, постоянно и вечно стремиться к ней, сколько есть силы, всегда священно подвизаясь в восхождении к высшим совершенствам богочапия.

6. Точные изображения этого ты видишь в том, что священноначальственно совершается, ибо боговидный иерарх предначинает священное помазание, а подчиненные ему иереи совершают священнодействие помазания, символически призывая крещаемого к священным подвигам. На эти подвиги, став под знамя иодвигоположника Христа, - ибо, как Бог, Он есть виновник подвигоположения, как премудрый, Он положил законы, а как совершеннейший, уготовал благоприличные победителям награды и, что еще божественнее, как благой, Он Сам стал в ряду подвижников вместе с ними, приняв священный подвиг за их свободу и победу против державы смерти и тления, - под Его-то став знамя, посвящаемый с радостью течет на подвиги, как на подвиги божественные, пребывает тверд в законоположениях Премудрого и сообразно с ними неуклонно подвизается, имея твердую надежду на возделенные награды, как подвизающийся под знаменем Господа и Начало вождя подвигоположения. Восходя же по божественным следам Ставшего первым между подвизающимися и одолев богоподобными подвигами препятствующие ему в обожении действия и существа, он умирает со Христом, т. е. таинственно, для греха через крещение.

7. И вникни внимательно, с какой точностью соответствуют обряды вещам священным. В самом деле, сообразно тому как смерть в отношении к нам не есть уничтожение существа, как иные думают, но разделение соединенного, ведущее к невидимому для нас и душу, так как она через лишение тела делается невидимой, и тело, так как оно скрывается в землю и через некоторое другого рода телообразное изменение исчезает из виду у людей, - сообразно этому сокрытие всего человека под водой принято за образ смерти и могильной незримости. Итак, символическое учение таинственно внушает, что тремя погружениями в воде священнокрещаемый подражает, сколько доступно людям подражание Богу, богочапия смерти в продолжение тридневного погребения Иисуса Жизнодавца, в

котором, по таинственному и сокровенному преданию слова Божия, князь мира не обрел ничего.

8. Затем на крещаемого возлагают световидные одежды, ибо мужественными боговидным бесстрашием в отношении к противному и стремлением к Единому в сочетании с Ним безобразное украшается и не имевшее вида получает вид, все совершенно осияваясь световидной жизнью. Совершительное же помазание миром делает крещаемого благоуханным, ибо священносовершившееся Богорождение соединяет крещаемого с богоначальным Духом. А духовно руководительное и совершительное нисхождение Духа, невзглаголанное само по себе, я представляю духовно уразуметь тем, которые удостоились священного и богодейственного общения умом с божественным Духом. В заключение же всего иерарх призывает крещаемого к святейшей Евхаристии и делает его причастником совершительных таинств.

ГЛАВА 3

О том, что совершается в собрании (т. е. в собрании верующих, в литургии)

I

Так как мы упомянули уже о (таинстве собрания или приобщения), то непозволительно было бы, миновав его, воспеть прежде него что-нибудь другое из вещей, касающихся иерархии. Ибо оно, по выражению славного вождя нашего, есть Таинство таинств и его-то, прежде всего другого священнописьменно изложив по благодарованному, согласному со словом Божиим и священноначальственному ведению, к его созерцанию подобает нам возвыситься помощью богоначального Духа.

И во-первых, с достойным святыни благоговением, рассмотрим, почему общее и для других священноначальственных священнодействий прилагается к этому преимущественно и оно исключительно называется Таинством приобщения и собрания, тогда как каждое священносовершительное действие приводит разделенные жизни наших единовидному обожению и при богообразном сближении людей различных всем дарует общение и единение с Единым? Отвечаем: потому, что полное совершенство христианское, дающее право на участие в других священноначальственных символах, есть один из богоначальных и совершительных даров этого таинства. Ибо едва ли может быть совершено какое-либо из иерархических совершительных священнодействий, доколе божественная Евхаристия во главе того, что совершается по чину каждого другого священнодействия, не священносовершит приведения христианина, уже просвещенного, к единому и не утвердит совершенно богопреданным даром совершительных тайн общения его с Богом. Итак, если каждое из иерархических священнодействий, как незавершительное, несовершает окончательно приобщения нашего и сопроведения к Единому и ради

того, что не приводит к полному совершенству, не может быть названо священнодействием совершенным; если, с другой стороны, верх и глава всякого из других священнодействий есть преподавание просвещаемому богочинальных тайн, то священноначальническая мудрость изобрела для него вполне достойное наименование от самых действий его. Так и священнодействие Богорождения, поскольку оно преподает первоначальный свет и есть начало всякого божественного световодства, мы по совершаемому им действию отличаем свойственным ему наименованием *просвещения*. Ибо хотя преподавать со вершаемым священным светом есть общее свойство всех иерархических действий, но Таинство крещения первоначально мне увидать свет, и от его-то первоначального света я световожусь к прозрению и в другие святыни. Сказав это, обозрим и рассмотрим по иерархическому чину во всех подробностях образ совершения и созерцательную сторону святейшего таинства.

II. Таинство собрания, или, что то же, приобщения

Совершив перед святым жертвенником священную молитву, иерарх, начав каждение с жертвенника, обходит весь круг, занимаемый священным собранием, и потом, возвратившись опять к божественному жертвеннику, начинает священное пение псалмов вместе со всем церковным клиром, который участвует вместе с ним в пении псаломского славословия. Вслед за тем совершается через церковнослужителей чтение священных книг, после этого оглашенные и с ними одержимые демонами и кающиеся выводятся из святого храма, где остаются только достойные созерцания и приобщения Божественных Тайн. А из церковных служителей одни стоят у запертых дверей святилища, другие исправляют что-нибудь другое из дел своего чина. Избранные же из священнослужительского чина предлагают вместе с иереями на божественный жертвенник священный хлеб и чашу благословений, между тем как все церковное собрание возглашает кафолическое песнопение. При этом божественный иерарх совершает священную молитву и возвещает всем святой мир, и, когда все облобызают друг друга, совершается таинственное провозглашение священных помянников. Затем иерарх и иереи умывают водою руки и иерарх становится у середины божественного жертвенника, а вокруг стоят вместе с иереями только избранные служители. Воздав хвалу святым делам Божиим, иерарх священнодействует Божественные Тайны и в священно-предлежащих символах передочами поставляет то, чему воздал хвалу, затем, открыв богодейственные дары, сначала сам приступает к священному причастию их и потом других призывает. Приобщившись преподав богочинальное причастие другим, иерарх обращается, наконец, к священному благодарению вместе с народом, который участвует в благодарении, принимая к одним только божественным символам, а он сам, возводясь постоянно богочинальным Духом священноначальственно в чистоте богообразного чина к святым началам совершаемых действий в блаженных и мысленных созерцаниях

III. Созерцательная сторона

1. Теперь, возлюбленное чадо, после образов перейдем, держась указанного чина и с достойным святости благоговением, к богообразной истине первообразов, заметив для только еще совершаемых в соответствии их силам и нуждам душеводство, что и самая разнообразная и священная совокупность образов не есть для них нечто не имеющее значения, хотя открывает только внешнюю сторону таинства. Ибо, с одной стороны, священнейшее пение и чтение богодухновенных слов преподают им наставление в добродетельной жизни, и еще прежде этого - во всесовершенном очищении от тлетворного зла, а с другой - божественнейшее преподавание одного и того же хлеба и чаши, общее для всех и при взаимном мире всех совершаемое, внушает им (причащаясь), как питающимся единой пищей, единение духа и ведет к священному памятованию божественнейшей вечери - первообраза совершаемых в литургии действий, на которой и сам Учредитель священнодействий (литургии) праведно отлучил того, кто свечерял с Ним на священной вечере не подобно и не в единомыслии с Ним, ясно и вместе боголепно научая, что только приступание к божественным вещам с искренним расположением души дарует приступаящим общение с подобным им.

2. Итак, оставив эти, как я сказал, прекрасные начертания преддверий неприступного святилища, достаточные для созерцания несовершенных еще, пойдем от действий к причинам и под световодством Иисуса прострем взор к нашему священному собранию и к благолепному созерцанию вещей духовных, ясно отражающему блаженную красоту первообразов. А ты, божественнейшее и священное Таинство, открыв облакающие тебя в обрядах покровы образов, яви нам себя во свете и мысленные очи наши просвети единовидным и неприкровенным светом!

3. Итак, следует уже нам, я думаю, войти внутрь всесвятого, открыв смысл первого из образов, чтобы всмотреться в боговидную красоту и в духе веры Божией воззреть на иерарха, исходящего с благоуханием от божественного жертвенника до крайних пределов святилища и потом опять становящегося перед ним для совершения таинства. Так, превысшее всего богочающее Блаженство, хотя по божественной благодати и исходит в общение со священными причастниками Его, но не становится вне неизменного состояния и непременимости, свойственной существу Его, и осиявает всех богообразных соразмерно с силами каждого, всесовершенно пребывая в себе сами нимало не отступая от своего непременимого тождества. Равным образом и божественное Таинство собрания, имея единичное, простое и сосредоточенное в одном начале, хотя и разлагается человеколюбиво на разнообразные священные обряды и вмещает в себя всякого рода богочающие образы, но от них опять единообразно сводится к своему единому началу и возводит к единству священноприступающих к нему. По этому боговидному образцу и божественный иерарх, хотя и низводит благоволиительно к подчиненным ему свое, единое само в себе, священноначальственное ведение, пользуясь многообразием священных символов, но тотчас же, как неуловимый и неудержимый для вещей низших, без всякой перемены в себе возвращается к своему начальственному служению и, совершив мысленный вход к единому в себе, в чистом свете созерцает единовидный смысл совершаемых действий, оканчивая человеколюбивый исход на вторичные дела служения боголепнейшим возвращением к первейшим.

4. А священноеловие псалмов, существенно почти связуемое со всеисвященноначальственными таинствами, не могло быть отстранено от таинства, священноначальственнейшего из всех. Ибо всякая святая и священнописанная книга изображает или начало и благоустроение всего сущего, бывшее от Бога, или подзаконную иерархию и общественное устройство, или распределение и занятие народом Божиим наследий в земле обетованной, или мудрость священников, премудрых царей и богосвященных иереев, или непоколебимое в терпении и любознательные древних мужей при разнообразных и многочисленных искушениях, или мудрые правила деятельности представляют то песнопения и боговдохновенные образы божественной любви, то пророческие предсказания о будущих событиях, то богомужеские деяния Иисуса, то богопреданные и богоподобные подвиги жизни и священное учение учеников Его, то прикровенное и таинственное видение возлюбленного из учеников и богодухновенного таинствителя, то премудрое богословие Иисуса, оно изображает и представляет это способным к обожению и действию и совокупно со священными и боговидными воздвижениями таинств. Священнописание же божественных песнопений, имея целью восхвалять все Божии слова и дела и прославить священные изречения и священные подвиги божественных мужей, составляет всеобъемлющую песнь и повесть о вещах и делах божественных, возбуждающую в тех, кто боголепно славословит ее, расположение духа, приличное принятию или преподаванию того или другого священноначальственного таинства.

5. Когда, таким образом, песнословие, обнимающее собою все священные вещи, настроит наши душевные расположения соответственно с тем, что вслед за этим будет священнодействуемо, и единозвучием божественных песнопений, как бы единым для всех и единогласным священным хором, установит единомыслие и в отношении к Богу, и в отношении к нам самим и друг к другу, тогда то, что сокращенно и более прикровенно представлялось в духовном священнословии псалмов, раскрывается посредством многочисленнейших и яснейших образов и изречений в священнейших чтениях священнописанных творений. В них взорающий узрит единовидное и единое вдохновение, так как оно исходило от единого богоначального Духа. Почему и справедливо, что по чину службы Новый Завет проповедуется после древнейшего предания; этот боголепный и священноначальственный порядок, я думаю, ясно внушает, что Завет Ветхий говорил о имевших совершиться богодеяниях Иисусовых, а этот исполнил предсказания того и что тот преднаписывал истину в образах, а этот открыл, как она есть, ибо исполнение в этом предсказаний того утвердило истину и богодействие есть средоточие богословия.

6. Те, кто несколько не оглашен трубным звуком этих священнодействий, не видят и самых образов, так как бесстыдно отвратились от спасительного озарения Богорождения и на священные слова к пагубе своей ответствовали: *Путей твоих не хотим* (Иов 21, 14). А оглашенным, одержимым демонами и кающимися хотя правило священной иерархии и позволяет слушать священнословие псалмов и боголепное чтение Священных Писаний, но к последующим затем священнодействиям и созерцаниям не допускает их, а допускает только совершенные очи совершенных. Ибо боговидная иерархия преисполнена святой правды и по достоинству каждого спасительно распределяет соответственно с состоянием всякого меру причастия вещей божественных, священно даруя его в соразмерности и соответствии со временем. Итак, оглашенным назначается последний чин, потому что они

не вошли в причастие, и вовсе не озарены священноначальственным священносовершением, и не получили боготворного бытия посредством божественного возрождения, а только еще питаются отеческими внушениями и животворным воспитанием, приготовляются к началу жизненному, и светонаначальному, и блаженному приведению через богорождение к Богу. Подобно тому как плотские младенцы, если выпадут прежде времени своего рождения несовершенными и еще не образовавшимися, как выкидыши не доношенные, получают на земле несчастный конец, не родившись, не пожив, невидев света, и никто бы из людей здравомысленных, смотря на это явление, не сказал, что эти младенцы вышли на свет потому только, что они освободились от мрака чрева, ибо сведущая попечительница телами - врачебная наука сказала бы, что свет действует только на способных воспринимать свет; подобно этому и мудрейшая наука священных вещей сначала питает их (оглашаемых) приготовительной пищей образовательных и животворных словес, а когда доведет до нужного для богорождения совершенства их состояние, дарует им ко спасению в известном порядке причастие в вещах световидных и священносовершенительных; в теперешнем же их состоянии как бы отделяет от несовершенных совершенное в предусмотрительном попечении о благодетии святыни и о возрождении жизни оглашаемых по боговидному чину священноначальственных действий.

7. Толпа одержимых демонами тоже чужда святыни, но она составляет вторую чин по отношению к последнему чину оглашенных. Ибо не все равно, по моему мнению, что совершенно непосвященный и вовсе не причастный божественных таинств, что принявший некоторое причастие в священнейших священнодействиях, хотя и одержимый вражески мнимо обольщениями и смущениями. Впрочем, и для них воззрение и причастие в священных вещах запрещается, и весьма справедливо. Если правда, что муж всецело Божий, достойный причастник вещей божественных, всесовершенными и совершенными действиями обожения возведенный в свойственном ему чине на высоту богообразия, не будет совершать дел плотских, кроме разве того, что необходимо по природе, но и то, когда случится, как бы мимоходом, а пребудет в состоянии крайней для него степени обожения, храмом и вместе последователем богоначального Духа, утверждая подобным подобное, то такой едва ли когда может быть одержим вражескими мечтаниями и страхованиями, но посмеется над ними и, когда они будут приступать, одолеет их и отгонит и скорее получит власть над ними, чем потерпит от них, и не только останется бесстрастным и неизменным в своем состоянии, но и для других явится врачом подобных действий сатаны. А я сверх того думаю и, даже более, знаю хорошо, что точнейшее разделение иерархических чинов знает одержимых более скверной силой, чем какой одержимые бесноватые, - это люди, отступившие от богообразной жизни, сделавшиеся единомысленными и подобноравными губителям - демонам, по крайнему и губительному для себя безумию отвращающиеся от истинного сущего, от бессмертногостяжания, от вечного наслаждения, - люди, жаждущие и с усилием стремящиеся к вещественным и многострастным переменам, к губительным и тлетворным удовольствиям к непрочному, отнюдь не существующему в том, что для нас чуждо, а только кажущемуся наслаждению. Так, эти-то прежде и еще справедливее, чем те, отлучаются разделяющим чины верующих голосом служителя, потому что их нельзя допустить до причастия какой-либо святыни, кроме учения Божия слова, внушающего обращение к лучшему. Ибо если премирное священнодействие божественных таинств сокрывается и от кающихся, и от тех, которые прежде бывали при нем, не допуская несовершенно освященных, но, будучи самопречисто, провозглашает: я незримо и неприобщимо даже для тех, которые почему-либо несовершенны и изнемогают в

стремлении к последней для них степени благообразия, потому что чистейший во всех отношениях глас отгоняет их, которые не могут быть в союзе с достойными участниками вещей божественнейших, то тем более толпа одержимых страстями должна считаться чуждой святости и отчужденной от всякого воззрения на священные вещи и причастия их. Когда непосвященные таинства и непричастные таинств и вместе с ними отпадшие от священной жизни, а вслед за ними те, которые подвержены по причине слабости духа вражеским страхованиям мечтаниям, как не достигшие посредством напряженного и неослабного стремления к вещам божественным твердости и крепости богообразного состояния, далее, вместе с этими те, которые хотя отступили от жизни противной, но еще не очистились от призраков ее силой, навыком и божественной и чистой любовью, а после них не вполне сделавшиеся единовидными и, сказать словами закона, не вполне безукоризненные и непорочные, - когда все эти будут вне храма и превышающего их священнодействия, тогда все освященные священносовершители и любозерцатели всесвященных действий, священнолепно принося к святейшему таинству, песнословят всеобщим песнословием благодетельное и благоподательное Начало, которыми открыты для нас спасательные таинства, священносовершающие священное обожение приступающих к таинствам. Песнь эту одни называют хвалебной песнью, другие - Символом веры, иные же, как я думаю, богоприличнее - священноначальственным благодарением (Евхаристией), так как она объемлет нисходящие к нам от Бога священные дары, ибо мне кажется, что во всех делах Божиих, воспеваемых в гимнах, было промышление о нас, - промышление, благообразно установившее существо и жизнь нашу и по подобию началообразных красот сообщившее нам вид богообразия, утвердившее нас в причастии божественнейшего порядка и высоты, а с другой стороны, проникшее в происшедшее с нами от невнимания лишение божественных даров, что бы уготованными благами воззвать нас к прежнему состоянию и через все совершенное восприятие того, что нам принадлежало, благоустроить совершеннейшее общение своих даров и через это даровать нам общение с Богом причастие в вещах божественных.

8. Когда, таким образом, священно воспето богоначальное человеколюбие, предлагается покровенный божественный хлеб и чаша благословения, священнодействуется божественное лобзание и таинственное и премирное провозглашение священнописьменных помянников. Ибо невозможно, чтобы к Единому вместе приводимы были и миротворного единения с Единым были участниками люди, разделенные между собою. Если бы мы, будучи озарены созерцанием и познанием Единого, были собраны воедино в единовидном божественном собрании, то не допустили бы себя впасть в особливые похотения, из которых образуются земные и страстные, сообразные только с падшим естеством нужды. Таковую-то, мне кажется, единовидную и безраздельную жизнь устанавливает священнодействие мира, утверждая связь подобного с подобным и отдаляя от разделяющихся между собою божественные и единовидные созерцания.

9. А провозглашение после мира священных помянников проповедуето праведно проживших и достигших неизменного совершенства добродетельной жизни, с одной стороны, нас возбуждая и руководствуя к достижению через уподобление им блаженнейшего состояния и богообразной кончине, а с другой - о них возвещая како живых, или, как говорит богословие, не умерших, но представившихся через смерть

божественнейшей жизни. Заметь при этом, что они вносятся и в священные помянники потому, будто бы Божия память по-человечески обнаруживалась в представлении того, о чем напоминают, но, как боголепно сказал бы кто-нибудь, в изображении того, что от Бога прославлены и Богу непреложно ведомы достигшие совершенства богообразии. Ибо *позна*, говорит слово Божие, *суция своя* (2 Тим.2, 19), и: *Честна пред Господем смерть преподобных Его* (Пс. 115, 6), -«смерть преподобных» сказано вместо «совершенство в праведности». Обрати священнолепно внимание и на то, что тотчас вслед за предложением на божественном жертвеннике досточестных символов, через которые изобразуется и воспримется Христос, является список святых, напоминая о нераздельном сопряжении их с Ним в премирном и священном единении с Ним.

10. Когда все это священносовершено по сказанному чиноположению, иерарх, став перед святейшими символами, умывает с честным ликом руки иереев водой. *Измовенный*, как говорит слово Божие, *не требует* (Ин. 13, 10) никакого другого омовения, кроме омовения краев или конечностей, и при этом конечном очищении, благовидно нисходя ко вторичным делам служения во всечистом состоянии богообразия, он пребудет неудержим и свободен, как совершенно единовидный, и к единому тотчас же обращаясь в одном и том же виде, совершит обращение нескверное и непорочное, как человек, хранящий полноту и целостность богообразия. На это, как сказали мы, указывалась священная умывальница в подзаконной иерархии, а ныне то же означает очищение рук иерарха и иереев. Ибо приступающим к священнейшему священнодействию нужно очищать самые последние помыслы души и приступать в усиленном уподоблении ему, так как только в этом случае они озарятся яснейшими богоявлениями, потому что премирные светосияния пропускают полнейшие и яснейшие лучи свои в блеске подобовидных зеркал. Омывение иерархом и иереями рук совершается перед святейшими символами, как бы перед Христом, видящим все сокровеннейшие помышления наши, и в знак того, что совершается очищение полное (т. е. простирающееся до самых последних вещей) под всепроницающим испытанием Его (Христа) и по праведнейшему и неподкупному суду. Таким-то образом иерарх приступает к Божественным Тайнам и, воспев в гимнах святыи дела Божии, священнодействует Божественнейшие Тайны и то, что воспеваает, изводит пред очи.

11. О каких делах Божиих по отношению к нам говорим мы, будет изложено вслед за этим, сколько окажется возможным, потому что у меня не довольно сил и воспеть все, ни совершенно ясно что-либо познать и тайно водствовать к этому других. А о тех, какие воспеваются и священнодействуются по руководству слова Божия богоосвященными иерархами, скажем, сколько нам доступно, признав споспешествующее священноначальственное вдохновение. Человеческое естество, в начале несмысленно отпадающее от божественных благ, постигла многострастнейшая жизнь и конец тлетворной смерти, потому что естественно было, чтобы пагубное отступление от истинной Благодати и преступление священногорайского законоположения тому, что противно божественным благам, предало грешника, который по собственному склонению воли и по обольстительному искушению от противника восстал на животворное иго; а отсюда место вечности плачевно заменила вечная смерть; таким образом, получившее начало свое в тленном рождении естество человеческое праведно приведено к ответственному с началом концу. Своевольно отпадши от божественной и горе возводящей жизни, оно ниспало в противоположную крайность - многострастнейшее изменение. Заблудившись сверх того, и уклонившись от правого пути к истинному Богу, и

подчинив себя губительным и зло творным силам, естество человеческое не примечало, что служит не богам и не существам, благорасположенным к нему, новрагам; а те по своей безжалостности беспощадно истощали его, и оно плачевно подвергалось опасности потери бытия и гибели. Но беспредельнейшее человеколюбие богоначальной Благодати благоволиительно не отложило и самодейственного промысления нас, но, соделавшись истинно при частным всего нашего, кроме греха, и соединившись с уничтожением нашим с сохранением своих свойств неслитными и неизменными, даровало нам наконец как подобородным общение с собой и явило нас причастниками своих благ. А власть над нами отступнической силы, как свидетельствует предание, разрушилоне силой, как преодолевающее, но, по таинственно преданному нам слову, *в судеи истине* (Иер. 4, 2). Состояние же наше оно благодетельно переменяло на совершеннопротивное: мрак ума нашего наполнило преизбыточествующим и боже ственным светоми безобразие украсило богообразными красотами, равно как и жилище души - тело, бывшее во всесовершенном состоянии, ког да еще не пало существо наше, человеколюбие Божие освободило от отвратительных страстей и пагубных скверн, показав нам премирный путь к горнему и порядок жизни в священном по мере возможности уподоблении нашему.

12. Как бы иначе это богоподражание могло быть у нас, если бы посредством священноначальных священнословий и священнодействий не обновлялась в нас всегда память о святейших делах Божиих? Итак, мы совершаем это, как говорит слово Божие, *в Его воспоминание* (Лк. 22, 19). Поэтому божественный иерарх, став пред божественным жертвенником, воспевае упомянутые богодействия божественного промысления о нас Иисусова, которые совершил Он во спасение рода нашего, как читает слово Божие, по благоволению всесвятейшего Отца во Святом Духе. Воспев же и прикинув мысленными очами к досто честному и мысленному созерцанию их, он приступает к символическому их священнодействию, - и это по богопреданному чину, - поэтому после хвалебной песни о святых делах Божиих он предварительно с благоговением оправдывает свое дерзновение в приближении к превы шающему его священнодействию, взывая ко Христу: «Ты рекл еси: *сие творите в Мое воспоминание*». Потом, испросив себе быть явленным достойным этого богоподражательного священнодействия и по подобию самого Христа совершить Божественные Тайны и вполне свято преподать дары и священнолепно причастить желающих причаститься священного, он священнодействует Божественные Тайны, под священно предлежащими символами изводя пред очи то, что воспевал. Открыв покровенный и неразделенный хлеб и раздробив на многие части единую чашу разделив всем, он таинственно распространяет и устрояет единение и таким образом совершает всесвятейшее священнодействие. Единое, простое и сокровенное естество Иисуса, богоначальнейшего Слова, в человечении ради нас по благодати человеколюбия неизменно снизошло к сложению и видению нашему и благотворно совершило единотворное причастие наше к Нему, соединив низкое в нас со своим божественным до последних пределов, дабы и мы посредством тождества нескверной и божественной жизни согласовались с Ним, как члены с телом, и чтобы, быв умерщвлены пагубными страстями, не соделались несочлененными, и неприлепленными, и не живущими с Его божественными и здоровыми членами. Ибо если мы стремимся к общению с Ним, нам нужно взирать на Его божественную жизнь во плоти и в уподоблении ей святым отчуждением от грехов восходить к богообразной и нескверной жизни, потому что под этим только условием Он дарует нам сообразно с нашим состоянием общение с подобным.

13. Все это внушает иерарх священными действиями, с одной стороны износя наружу покровенные дары, с другой - разделяя единый состав их на многие части и через преискреннейшее соединение разделяемых даров с теми, кто их воспринимает, соделывая причающихся общниками их. Ибо в этих действиях доступно для чувств наших он изображает как бы в образах духовную жизнь нашу, поставляя пред очи Иисуса Христа, сокровенного по Божеству, во все совершенном же и неслитном во человечении ради нас человеколюбно принявшего наш образ и к нашему раздельному бытию из единства по естеству непреложно исшедшего и по сему благотворному человеколюбию призывающего род человеческий к причастию Его и благ Его, если только мы войдем в единение с Его божественной жизнью через посильное с нашей стороны уподобление ей и через это сделаемся истинными причастниками Божиими и вещей божественных.

14. Причастившись и преподав богоначальное общение, иерарх оканчивает священнодействие священным благодарением вместе со всем священным собранием церковным. Причащение же его самого предваряет преподавание даров другим, и принятие таинства самим совершается прежде таинственного разделения народу, потому что таков вселенский чин и порядок, чтобы прежде священноначальствующий приобщился и преисполнился даров, которые через него должны быть боголепно преподаны другим, а потом уже преподавал другим. Потому-то и те, которые дерзновенно пользуются учительством богоучрежденным, прежде сообразного с учением поведения и образа жизни, чужды святыни и совершенно отдалены от священного законоположения. Ибо, как при солнечных лучах прежде наполняются истекающим сиянием тончайшие и прозрачайшие вещи, а потом они уже весь изливающийся на них свет солнцевидно переливают на другие, стоящие за ними, так и в вещах божественных никак да не дерзнет руководить других тот, кто не сделался богообразнейшим по всему своему состоянию и не поставлен начальником божественным вдохновением и избранием.

15. Затем весь чин иереев, священноначально сошедшийся и приобщившийся Божественных Тайн, оканчивает священнодействие священным благодарением, сообразно своим положением познав и воспев дары богодействий. А непричастные и чуждые ведения божественных даров не допускаются и к благодарению, хотя божественные дары эти по своему существу и достойны того, чтобы благодарить за них. Но, как я сказал, те, которые по склонности к худшему не восхотели даже воззреть когда-либо на божественные дары, пусть остаются неблаго дарными к беспредельным дарам Божиим дел. *Вкусите*, говорит Писание, *и видите* (Пс. 33, 9); тот, кто озарен священным наставлением в Божественных Тайнах, уразумеет многоплодные их дары и, в причащении всесвященно взирая на божественную высоту и величие их, благодарно воспевает пренебесные благодеяния Богоначалия.

ГЛАВА 4

О том, что в мире священнодействуется и что в нем освящается

I

Так-то разнообразны и так прекрасны мысленные созерцания святейшего таинства собрания, священноначальственно, как мы говорили неоднократно, священносовершающие общение и соприведение наше к Единому. Но есть и другое священнодействие, подобно образному: начало вожжи наши нарицают его таинством освящения мира. Итак, рассмотрим по порядку части, из которых слагается оно, со стороны священных образов, возвысимся в священных созерцаниях от раздробленных частей его к единому его началу.

II. Таинство освящения мира

Таким же точно образом, как и в собрании, отлучаются при этом чины несовершенных после предварительного священноначальственного хождения с благоуханием по всему храму и священнослужителей псалмов и чтения божественного слова. Потом иерарх, взяв миро, полагает на божественном жертвеннике под осенением двенадцати крыл, между тем как все священнейшим гласом воспевают священную песнь вдохновения богодухновенных пророков, и, совершив над ним (миром) молитву освящения, затем употребляет его в святейших священнодействиях над освящаемыми вещами и лицами для всякого почти рода священноначальственного священносовершения.

III. Созерцательная сторона

1. Вступительно-возводительное действие этого совершительного священнодействия, мне кажется, выражает в священносовершаемых миром обрядах, что святые и благоухание духа у мужей преподобных сокровенны, и в то же время внушает мужам освященным открыть в себе ради суетной славы прекрасных и благоуханных подобий сокровенного Бога со стороны своей добродетели. Ибо сокровенные и превосходящие ум благоуханные красоты Божии неприкосновенны и мысленно открываются одним только причастным духовной жизни, чтобы иметь в душах подобие себе по добродетели нерастлимы образы. Как нерукотворенный благоподражательный образ боговидной добродетели, тот, кто взирает на эту мысленную и благоуханную красоту, образует себя по подобию ее и располагает к совершеннейшему подражанию. И, как в чувственных изображениях живописца, если не склонно будет взирать на первообразный лик, не отвлекаясь ни к чему другому, находящемуся перед его глазами, или ничем не рассеиваясь, сделает, если можно выразиться, двойник того, кого изображает, как он есть, и представит действительность подобия, первообраз в образе и один предмет в другом, кроме различия сущности, так и добротолубцам, живущим в духе, воззрение к благоуханной и сокровенной красоте дарует истинное и боговиднейшее подобие этой красоты. Поэтому-то божественные живописцы, трудящиеся без малейшего уклонения над образованием своего духа подобны пресущественно благоуханным и

мысленным благолепием, естественно, не совершают ни одной из своих богоподражательных добродетелей, *да видимы будут*, по выражению слова Божия, *от человек* (Мф. 6, 18). Как бы в образе, священносозерцают они в божественном мире сокровенные священнейшие святыни Церкви, апотом и сами, священнолепно скрывая святину и богообразные добродетели внутри богоподражательного и богоначертанного ума, взирают на один только началообразный разум и не только невидимы бывают (со стороны своего внутреннего преуспевания) для неподобающих им, но и сами не имеют никакого влечения смотреть на них. Вследствие этого, согласно со своим настроением, они любят не то, что только кажется прекрасным и справедливым, но то, что истинно таково; не обращают взора к славе, бессмысленно убажваемой толпою, но, богоподражательно различая добро или зло само в себе, становятся божественными образами богоначальнейшего благоухания, которое, само по себе будучи истинно благоуханно, не обращается к тому, что только для многих ложно кажется благоуханием, а впечатлевает в истинных образах своих благоухание истинное.

2. Теперь, обозрев уже внешнее благолепие всего этого прекрасного священнодействия, воззрим на божественнейшую красоту его, созерцая его само себе без покрова завес, ясно отражающего блаженный свет и преисполняющего нас благоуханием, для людей духовных несокровенным. Ибо видимое священносовершенство мира не неприобщимо и не незримо для тех, кто окружает иерарха, но, напротив, простираясь до них и делаясь для них предметом созерцания, превышающего толпу, священно ограждается ими и священноначальственно отделяется от толпы. Луч всесвятых таинств, чисто и непосредственно осиявающий божественных мужей, как сродных с духовным и неприкровенно облагухая их духовные чувства, не исходит подобным же образом к тем, которые стоят за ними, но они, как сокровенные созерцатели тайн духовных, таинственно сокрывают этот луч под символами крыльев, чтобы сделать его неприкосновенным для неподобающих им; посредством этих-то символов благолепные чины управляемой паствы и возводятся на свойственную им священную степень.

3. Итак, сказал я, воспитываемое нами ныне священнодействие имеет назначение и силу священносовершения иерархических действий. Потому-то божественные начальовожди наши благоустроили его как единичное и единодейственное со святым священнодействием Собория по большей части из тех же самых символических действий таинственных учреждений и священнословий. И здесь ты точно так же увидишь, что иерарх износит из божественнейшего места прекрасное благоухание в дальнейшие священные части храма и возвращением к прежнему месту внушает, что причастие вещей божественных, хотя совершается во всякой святыне сообразно с ее достоинством, но всегда немаловажно и непременно и пребывает неизменно со своими свойствами сообразно с божественным установлением. Равным образом опять и песнопения, и чтение словес божественных руководят несовершенных к животному усыновлению, совершают священное собрание одержимых скверной, а в немощных, одержимых бесами, истребляют вражеский страх и чарование, открывая сообразно с их силами высоту боговидного состояния и силы, по которым они сами начнут устрашать враждебные силы и приставлены будут врачевать других, так как не только имеют, но и могут сообщать богоподражательную твердость своих добродетелей и мужество против вражеских страхований. А тем, которые обратились от худшего к священной разумности, песни и чтения влагают святое расположение неподдаваться опять увлечениям ко злу; тех

же, которые еще не имеют полной чистоты, совершенно очищают; лица священные приближают к божественным образам, и к воззрению на них, и общению; причастников же святых во всей ее полноте питают, насыщая, в блаженных и мысленных созерцаниях, этих единовидных мужей Единым и приводя их в единение.

4. Что же? Не отлучает ли совершенно и чины не совершенно чистых, о которых мы уже упомянули, подобно тому, как это делается в таинстве соборания, настоящее священное тайнодействие, в образах зримое одними только освященными, а созерцаемое в священноначальственных возведениях и священносовершаемое одним только беспримесно всеосвященными? Мне кажется, это, часто уже говоренное нами, излишне повторять в тех же самых словах и из-за этого не переходить к тому, что следует по порядку священнодействия, т. е. к боголепному созерцанию иерарха, держащего божественное миро, под осенением двенадцати крыльев и совершающего над ним всесвятее священнодействие. Итак, мы говорим, что состав мира есть некое смешение разнообразных благоуханных веществ, преисполненное благоволения, причастники которого благоухаются по мере их причастия в благоухании. А мы убеждены, что богочеловеческий Иисус, пресущественно благоуханный, преисполняет в духовных раздаяниях дух наш божественной сладостью. Ибо, и воспринимая чувственные благоухания, мы испытываем приятное ощущение, и наша способность различать запахи питается с большим удовольствием, если только она не повреждена и находится в состоянии воспринимать благоухание. Сообразно с этим кто-нибудь мог бы сказать, что и духовные наши силы, не поврежденные расположением к худшему, по естественной в нас способности различения вещей воспринимают богочеловеческое благоухание и преисполняются священной сладости и божественной пищи подобно с боготворной мерой и приличным обращением ума к божественному. Итак, символический состав мира как бы в изображении неизобразимого предназначает нам самого Иисуса, богатую неточную сокровищницу божественных благоуханий, подающего боговиднейшим умам в богочеловеческой соразмерности божественные благоухания, которыми, приятно услаждаясь и преисполняясь в священных восприятиях, они питаются мысленной пищей при вхождении в них благоуханных даров по мере божественного причастия.

5. Но ясно, я думаю, что к существам, высшим нас, как божественнейшим, дарование неточного благоухания некоторым образом ближе, обильнее открывается им и сообщается, независимо преизливаясь и многообразно проникая в светлую их благоприемную силу ума; низшим же мысленным существам и не настолько способным к восприятию оно, сохраняя неприкосновенным для них высшее созерцание и причастие, преподается в свойственных причастникам благоуханиях в богочеловеческой соразмерности. Таким образом, столь превосходящий высшие нас святые существа чин серафимов изображается через двадцать крыльев стоящим и утвержденным окрест Иисуса, принимающим, сколько может, к блаженнейшему видению Его, и священнопреисполненным посредством всесвятых восприятий мысленного раздаяния, и, говоря чувственно, немолчными устами зывающим многопесенное богословие. Ибо священный разум премирных духов неутруждаем, проникнут не престающей любовью божественной и стоит выше всякого зла и забвения. Потому-то, как я думаю, немолчное зывание их означает их вечное и неизменное во всяком согласии благодарении помышление и ведение о божественных вещах.

6. Впрочем, бестелесные свойства серафимов, которые начертаны в слове Божиим посредством чувственных образов, изображающих мысленное, мы, я думаю, хорошо рассмотрели и твоим мысленным очам представили в чинах пренебесной иерархии. Но так как и в настоящем случае, священо окружая иерарха, они отображают в сокращении то же самое высочайшее устройство, то и теперь воззрим невещественнейшими очами их боговиднейшее сияние.

7. Итак, многообразие их лиц и многоножие означает, по моему мнению, многозрительность их в отношении к божественному свету и присноподвижное и пронизательноеразумение божественных благ. Шестеричное же расположение крыльев, как говорится в слове Божие, означает, я думаю, не таинственное некое число, как некоторые полагают, а то, что у высшей сущности и чина, стоящего окрест Бога, все возводително и совершенно свободно и премирно - и первые, и средние, и низшие его мысленные и боговидные силы. Поэтому-то священной премудрости слова Божия, священописуя начертание крыльев, полагает крылья на верх, середину и ноги серафимов, выражая тем совершенную их подвижность и всестороннюю способность восхождения к истинно сущему.

8. Если же они покрывают лица и ноги и летают одними средними крыльями, то ты священо разумей под этим, что столько превознесенный над высшими сущностями чин благоговеен перед тем, что выше и глубже его разумения, и благоразмеренно возводится к боговидению на средних крыльях в подчинении жизни своей божественным весам, которые священо располагают его к познанию самого себя.

9. А то, как сказано в слове Божием, что они зывали друг ко другу, это, я думаю, означает, что они независтно сообщают свои богозрительные разумения один другому. Считаю достойным благоговеино упомянуть и о том еще, что еврейский текст слова Божия называет святейшие сущности серафимов этим знаменательным именем, заимствуя его от горячности и пламенения в божественной и присподвижной жизни.

10. Итак, если, как говорят толкователи еврейских слов, божественных серафимов богословие называет возжигателями и согревателями - именем, выражающим существенное их свойство, то по символическому описанию они имеют в отношении к божественному миру возбудительные силы, вызывающие его к испусканию и распространению благоуханий. Так, превыше ума благоуханная Сущность (Бог) любит быть подвигаемой пламенными чистейшими умами к открытию Себя и дарует в изобильнейших раздаяниях божественные свои вдохновения тем, которые таким образом премирно подвигают Ее. Не ведал также божественный чин пренебесных сущностей богочаинейшего Иисуса, снисшедшего до приятия освящения; но он священо понимает, что Иисус умалил Себя до нашего состояния по божественной и неизреченной благодати и, видя Его человекообразно освящаемым от Отца, и от Себя Самого, и от Духа,

понимает собственное начальствоЕго, которое оставалось неизменным по существу во всем том, что Иисус совершилбогоначально. А потому предание священных символов приставляет к освящаемому мирусерафимов, имея в виду и живописуя Христа непреложным в истинном и совершенномвочеловечении по подобию нашему. И что еще божественнее, оно употребляет божественноемиро во всяком священносовершении, ясно указывая, согласно со словом Божиим, наТого, кто освящает, Сам приняв освящение как всегда равный Себе Самому по отношениюко всякому богоначальному благоддействию. Потому-то и совершительный дар и благодатьсвященного богорождения священнодействуется божественнейшими священносовершениямимира. Поэтому, думаю я, иерарх, вливая в очистительную купель крестовидными вложениямимиро, поставляет способным к созерцанию очам на вид то, что Иисус, погрузившисьдаже до крестной смерти ради нашего богорождения, самым божественным и неудержимымот смерти сошествием своим благолепно исхитил крещающихся по таинственному словув смерть Его от древнего поглощения тлетворной смертью и обновил для божественногои вечного бытия.

11. Да и тому, над кем совершено священнейшее священнодействие богорождения,совершительное помазание миром дарует вселение богоначального Духа, между темкак символическое священное начертание креста означает, я думаю, то, что от НегоСамого (от Христа), человекообразно принявшего ради нас освящение от богоначальногоДуха при неизменяемости свойств божественного естества, подается БожественныйДух.

12. Размысли священноначальственно и о том, что по уставу святейшихсвященнодействий и освящение божественного жертвенника происходит через всесвященныевозлияния святейшего мира. Это пренебесное и пресущественное созерцание, всякогобогодейственного освящения нашего начало, сущность и совершительная сила. ЕслиСам Иисус, богоначальное освящение божественных умов, есть наш божественнейшийжертвенник, на котором, по выражению слова Божия, освящаясь и таинственно всесожигааясь,имеем *мыприведение* (Еф. 2, 18), то воззрим премирными очами на самый божественнейшийЖертвенник (на которм все освящаемое совершается и освящается), освящаемый божественнейшим миром. Ибо всесвятейший Иисус *святит* (Ин. 17, 19) за нас Сам Себя исполняет нас всякой святости, когда то, что на Нем совершается, домостроительноисходит благодейственно на нас как богорожденных. Потому-то, полагаю я, божественныеначаловожди нашей иерархии в смысле иерархическом называют это честнейшее священнодействие, по божественному преданию, согласно с тем, что совершается, Таинствоммира, а, пожалуй, пусть бы назвал его кто Таинством Бога, в двояком смысле воздаваяхвалу божественному его священносовершению. Ибо Его (Христово) Таинство - и то, что Он по человечеству воспринял освящение ради нас, и то, что богодейственносовершает и освящает все освящаемое. Священная же песнь вдохновения божественных пророков (аллилуия) означает, говорят знающие еврейский язык, *хвала Богу*, или *хвалите Господа*. Итак, когда священное богоявление и богодействие священнопреднаписуется в многообразном составе иерархических символов, то неприличновспомнить боговнушенное песнопение пророческое, потому что оно ясно и вместесвященнолепно внушает, что богоначальные благодеяния достойны священных хвалений.

ГЛАВА 5

О посвящении лиц священнных

I

1. Таково-то божественнейшее священносовершенство мира. Теперь, послеописанных божественных священнодействий, следует изъяснить священнослужебные чины и отделы, их силы, действия, посвящения и тройственность высших степеней иерархических. Таким образом, по казано будет, что прекрасное устройство нашей иерархии совершенноисключает и отчуждает от себя всякую нечинность, неблаголепие и смешение, а, напротив, в своих распределениях священнных чинов являет благолепие, стройность и строгий порядок. Трйчастность состава всякого священноначалия мы, кажется, достаточнообъяснили уже, когда воспевали другие иерархии, сказав, согласно нашим священнымпреданиям, что весь круг священноначалия слагается из божественнейших таинствбогоозаренных умозрителей и таинников их, и (лиц), священносовершаемых ими (т.е. этими таинниками).

2. Так, для святейшей иерархии пренебесных существ Таинство со ставляетпосильное невещественнейшее разумение Бога и вещей божественных и всецелое ипо мере возможности богоподражательное со стояние богообразия. А световодителями и вождями к такому священносовершеннoму служат в ней первейшие из существ, стоящихокрест Бога: они-то благощедро передают низшим священным чинам в свой ственнойим мере боготворное ведение, присно даруемое им от самосо вершенного и умудряющегобожественные умы Богоначалия. А чины низшие первых существ как священноруководимые теми к боготворному свету Богоначалия являются и по справедливости именуютсячинами совершаемыми (возводимыми к совершенству). После этой не бесной и премирной иерархии, благодворно износя свои священнейшие дары в круг действий, нас касающихся, Богоначалие даровало еще, по изречению слова Божия, *младенцам сущим* иерархиюподзаконную, из ливая безвредный для немощных очей, соразмерный с их силами светв неясных образах истины, в отдаленнейших от первообразов отображениях, в нелегкопроницаемых гаданиях, в символах, представляющих в себе неудоборазрешимый сокровенныйсмысл. В этой подзаконной иерархии тайнодействием было возвождение к служениюдуховному. Руководителями к этому были священнопосвященные в тайны той святойскинии от Моисея, первого таинника и вождя подзаконных иерархов, который, священнопредначертывая порядок подзаконного священноначалия, возводивший мысль к тойсвященной скинии, назвал все подзаконные священнодействия подобием образа, показанногоему на горе Синайской (Исх. 25, 40). Совершаемыми были те, которые в свойственной себе мере возводимы были

от обрядов законных к совершеннейшему разумению таин. Совершеннейшим же тайноучением богословие именуется наша иерархия, называемая исполнением и священным завершением той законной иерархии. Это есть иерархия вместе и небесная, и законная, занимающая середину между крайностями: между одной (не бесной), будучи причастна духовных созерцаний, и другой (подзаконной), потому что не чужда разнообразия символов, посредством которых возводится к вещам божественным. Она также имеет тричастный состав, заключая в себе святейшие священнодействия таинств, богов разных служителей святыни и людей, в приличной мере возводимых к святыне. Каждая из трех составных частей нашего священноначалия, подобно иерархии подзаконной и той, которая божественнее нашей, делится по силам на три степени: первую, среднюю и последнюю, чем поддерживается священнолепная соразмерность благоустроенная, взаимная, в определенном для каждой чине и крепкая связь между всеми.

3. Так, священнейшее священнодействие таинств имеет первую божественную силу - священно очищать несовершенных; среднюю - световодственно посвящать очищенных в тайны; последнюю и главнейшую в отношении к первым силу - возводить посвященных тайны к совершенству в разуме таин, в которые они посвящены были. Чин священнослужителей в первой степени своей очищает несовершенных тайнодействиями, в средней - световодствует очищенных, в последней и самой высшей из степеней священнослужительских возводит приобщившихся божественного света к совершенству силой священносовершения, руководствующих непосредственному ведению воспринимавшихся прежде только созерцанием озарений. Между совершаемыми первую степень составляют очищаемые, среднюю - после очищения просвещаемые и допускаемые к созерцанию некоторых святынь, последнюю же и божественнейшую других - осиянные со вершительным ведением священных и светоносных таин, к созерцанию которых были допускаемы. Тройственную силу святого священнодействия таинств мы уже раскрыли: силу священного богорождения (т. е. крещения), в котором слово Божие указало нам очищение и светоносное просвещение, равно как и силу собрания (т. е. литургии) и Таинство мира - силу совершительного познания и ведения дел Божиих, через что священносовершается единотворное возведение к Богоначалию и блаженнейшее общение с Ним. Теперь по порядку следует раскрыть состав чина священнослужительского, который разделяется на степени: очищающую, просвещающую и совершающую.

4. Таков все святейший закон Богоначалия, чтобы вторые возводимы были к Его божественнейшему свету через первых. Впрочем, не видим ли мы, что и чувственные сущности и стихии сначала сообщаются с более сродными им вещами и через них уже распространяют свое действие на другие? Тем естественнее, что Бог - начало и основание всего видимого и невидимого благоустроения - благоволил ниспосылать свои боготворческие лучи сначала на богоподобнейшие существа и через них, как через умы чистейшие и способнейшие к причастию и сообщению света другим, осиявает и являет Себя низшим. Итак, долг этих первых богозрителей - открывать следующим за ними независтно и соразмерно с силами их священно открытые себе божественные созерцания, а посвящать в тайны священноначалия есть дело тех, которые вместе с совершительным ведением получили хорошее наставление во всех божественных вещах, относящихся к принадлежащему им священноначалию, и приняли священносовершительную силу

наставлять других; преподавать же святыни по достоинству есть дело восприявших священнослужебное совершение в полноте ведения и во всем его составе.

5. Таким образом, божественная степень иерархов есть первая в ряду других богозрительных степеней, а вместе она есть самая высшая и последняя, потому что в ней заключается совершенство и полнота всего состава священноначалия, ибо, как все вообще священноначалие мы видим сосредоточенным в Иисусе, так всякая иерархия, в частности, сосредоточивается в своем богопросвещенном иерархе. Сила степени иерархической обнимает все отдельные святыни и через все другие степени священства совершает усвоенные ее священноначалию таинства. Впрочем, ей исключительно перед прочими степенями божественный закон предоставил в нераздельное право божественнейшие священнодействия - это священнодействия, которые составляют тайнодейственный образ богоначальной силы и через которые совершаются все божественнейшие символы и все священные чины. Ибо хотя и иереи совершают некоторые из священных символов, но иерей никогда не совершит ни священного богорождения (т. е. таинства крещения) без божественнейшего мира, ни тайн божественного общения, не возложив символов литургических на божественнейший жертвенник, ни, наконец, сам не будет иереем, если не будет введен в это через иерархические тайнодействия. Таким образом, божественное законоположение предоставило посвящение в степени иерархические, освящение божественного мира и священносовершение жертвенника исключительно священносовершительной власти богопросвещенных иерархов.

6. Итак, степень иерархическая есть степень, преисполненная силы совершительной, одна только исключительно совершающая посвящения иерархические, просветительнонаставляющая в ведении *святыни* и руководящая к сообразным с нею и священным свойствам и действиям. Световодственная степень иереев руководит крещаемых к божественным воззрениям на таинства, в подчинении степени богопросвещенных иерархов и вместе с нею священносовершающая усвоенные себе священнодействия, в чем, собственно, и заключается круг ее действий как степени, которая в святых символах открывает дела Божии и делает присутствующих созерцателями и причастниками святых таинств, а тех, которые ищут ведения видимых священнодействий, предпосылает к иерарху. А степень священнослужителей есть степень очистительная: различая недостойных прежде допущения к священнодействиям иереев, она очищает приступающих, удаляет смешения с чем бы то ни было противным таинству и таким образом делает их достойными присутствия при совершении таинств и приобщения. Так, при священном богорождении (крещении) служители (диаконы) совлекают с присутствующего прежнюю одежду, а потом разрешают, поставляют для отрицания лицом к западу и затем обращают опять к востоку (ибо все эти действия принадлежат степени и силе очищающей), внушая через это приступающим всецелое отложение одеяния прежней жизни, показывая мрачность прежнего образа жития и научая их по отречении от мрака подчинить себя тому, что светотворно. Итак, чин служительский есть чин очистительный, возводящий очищенных к светлым священнодействиям иереев, очищающий несовершенных и питающий очистительным просвещением и учением слова Божия, а также совершенно отделяющий неосвященных от священного. Потому-то церковный закон и поставляет его при дверях в знак того, что вход приступающих к святыне должен совершаться во все совершенной чистоте, и очистительной степени

священства вверяет приведение приступающих к воззрению тайны и приобщению и через нее приемлет их, если они признаны непорочными.

7. Итак, показано, что степень иерархов есть совершительная и совершеннотворная, степень иереев - просветительная и световодственная, а степень служителей - очистительная и, с другой стороны, различительная, т. е. степень иераршеская имеет силу не только совершать, но вместе также просвещать и очищать, а степень иерейская обладает вместе с силой просвещения и силой очищения. Ибонизшие степени не могут перешагнуть к тому, что принадлежит высшим, им не позволено дерзновенно и покушаться на это, а степени божественнейшие ведают священные тайны как своего служения, так и служений низших совершенства их. Однако же, как образы божественных действий, священнослужительские чины, являя в себе каждый определенные сияния благоустроенного и несмешного порядка дел Божиих, распределены по своим иерархическим особенностям на первые, средние и последние священные силы и степени, представляя в себе все вместе, как я сказал, благоустройство и несмешность дел Божиих. Так как Богочастье сначала очищает умы, в которых благоволил вселяться, потом просвещает и уже просвещенных возводит к богообразному священносовершению, то и иерархия божественных образов делит себя на различные степени и силы, явственно представляя богочастные действия, совершающиеся благоустроенно и несмешно во всевысшем и неслитном порядке. Однако ж, сказав, сколько можно было, о степенях и разделах священнослужительских, равно как об их силах и действиях, рассмотрим теперь, сколько можем, и священнейшие поставления на них.

II. Таинство посвящения в священный сан

Иерарх, приводимый к посвящению иераршескому, преклонив оба колена перед жертвенником, имеет на главе своей богопреданное слово Божие и иераршескую руку и таким образом посвящается через все священные призывания от посвящающего его иерарха. А иерей, преклоняя перед божественным жертвенником оба колена, имеет на голове десницу иераршю и в таком положении освящается священнодейственными призываниями посвящающего его иерарха. Диакон, наконец, преклонив перед божественным жертвенником одно из колен, имеет на голове десницу посвящающего его архиерея и посвящается от него через совершительные для чина служителей призывания. На каждого из них возлагается от посвящающего иерарха крестовидное знамение, над каждым совершается священное возглагование имени и заключительное лобзание, которое всякое из присутствующих священных лиц и посвятивший иерарх дают посвященному на какую-либо из упомянутых священных степеней.

III. Созерцательная сторона

1. Итак, общее для иерархов, и иереев, и служителей (диаконов) в их священнослужебных посвящениях - приведение к божественному жертвеннику, припадение, возложение руки иераршеской, знамение печатию креста, возглашение и заключительное олобзание. Особенность же и исключительную принадлежность иерархов составляет возложение на главу слова Божия, чего не имеют низшие степени; иереев - преклонение обоих колен, чего в посвящении служителей (диаконов) нет; служители же при своем посвящении преклоняют, как сказано, только одно из колен.

2. Итак, приведение к божественному жертвеннику и припадение внушает всем посвящаемым в священные степени всецело предать начало совершителю Богу жизнь свою и свою душу представить Ему совершенно чистой и освященной, подобообразной, сколько возможно, достойной богоначального и всесвятейшего святилища и жертвенника Того, Кто священнолепно освящает богообразные умы.

3. Возложение руки иераршеской, с одной стороны, знаменует священноначальственный покров, под которым освященные лица, как чада, отечески охраняются рукой, дарующей им чин и степень священства и отражающей от них противные силы, а с другой стороны, внушает, что посвященные должны совершать все дела священнослужения как бы под десницей Божией, имея Его руководителем во всяком из их дел.

4. Крестовидное знамение означает отложение всех плотских пожеланий и жизнь богоподражательную, неуклонно обращенную к богомужной, божественнейшей жизни Иисуса, нисшедшего при богоначальной безгрешности даже до креста и смерти и знаменующего тех, которые так живут, как подобообразные Ему, крестовидным знамением собственной безгрешности.

5. Иерарх возглашает священное наименование степени, на которую посвящает, и имя самих посвящаемых, выражая этим таинственным действием, что, как боголюбивый священносовершитель, он есть только провозвестник Божия произволения, не сам своей благодатью возводящий посвящаемых на степени священства, но будучи подвижаем на все священноначальственные освящения от Бога. Так, Моисей, священносовершитель подзаконный, до тех пор не возводил Аарона на степень священства, хотя Аарон был брат ему и казался ему боголюбивым и достойным священного сана, пока не был подвигнут на то свыше, по воле только началосвершителя Бога священноначальственно совершив посвящение в священный сан. Даже и наш богоначальный и первый Священносовершитель (ибо ради нас сделался и им человеколюбивый Иисус) *не Себе прослави*, как говорит слово Божие (*быти первосвященника*), *но глаголавый к нему.. Ты еси иерей во век, по чину Мелхи седекову* (Евр. 5, 5 - 6). Поэтому и Сам, возводя учеников к служению священства, хотя как Бог был началосвершитель, священноначальственно относит, однако же, тайно совершительную силу посвящения вместе и ко всесвятейшему Своему Отцу, и к богоначальному Духу, повелевая ученикам, как сказано в слове Божием, *от Иерусалима не оглушайся, но ждаши обетования Отчий,*

еже слышасте от мене, яко... вы имате креститися Духом Святым (Деян. 1,4 - 5). Так точной первоверховней между учениками Христовыми, приступив вместе с единочинными ему и священноначальственными десятью другими учениками к священному поставлению двенадцатого в сонм учеников, благоговейно пре доставил избрание Богоначалию, говоря: *Покажи, его же избрал еси* (Деян. 1, 24), - и того, кто божественноназначен был божественным жребием, воспринял в священноначальственный круг святой двое десятицы... Впрочем, об этом божественном жребии, по мановению Божию павшем на Матфия, другие говорят иное и, мне кажется, недоста точно назидательно, поэтому я выскажу свое мнение. Мне кажется, что слово Божие назвало жребием какой-либо божественный дар, от кривший тому священноначальственному сонму назначенного избранием Божиим. Так и всякому иерарху Божию не самовольно надобно совершать поставления на степени священства, а по внушению Божию священноначальственно и небесно посвящать на эти степени.

6. Целование при конце посвящения на священную степень имеет также священное значение. Все, кто только из священнослужебного чина присутствует при посвящении, даже сам посвящавший архиерей лобзуют посвященного. Ибо, когда священный ум достигает священнослужебного совершения в священнослужебном порядке и чине по божественному избранию и по силе освящения, он делается любезен для единочинных ему и священнейших чинов, возвысившись до богоподобнейшего благолепия, пламеня любовью к богообразным умам и от них взаимно пользуясь священной любовью. Поэтому-то совершается взаимное лобзание священнослужебных лиц, означая священное общение богообразных умов и их взаимное любвеобильное сорадование, поддерживающее в целом составе священного чина богоподобнейшую красоту.

7. Все это, как я сказал, есть общая принадлежность всякого священнослужебного посвящения. Но иерарху исключительно принадлежит, что на главу его священнотаинственно возлагается священнейшая книга слова Божия. Ибо так как богопросвященным иерархам преподается от богоначальной и начало совершительной Благости тайнодейственная сила всего священства, то и возлагаются соответственно этому на главы иерархов богопреданные словеса Божии, объемлющие собой и открывающие тайны всего богословия, богодействия, богоявления, священнословия, священнодействия - одним словом, всех божественных и священных дел и слов, дарованных благодеющим Богоначалием учрежденной в нас иерархии. Таким образом, богообразный иерарх, будучи во всей полноте причастен всей священноначальственной силы, должен не только сам сиять истинным и богопреданным ведением иерархических священнословий и священнодействий, но и другим передавать священноначальственной соразмерности и священноначальственно священнодействовать все совершительнейшие тайнодействия всего священноначалия в божественнейшем ведении, возводя себя и других к высочайшим созерцаниям. А у иереев преклонение двух колен есть отличительная особенность сравнительно со степенью служителей, так как этот чин преклоняет только одно колено и в этом положении тела посвящается иерархом.

8. Коленопреклонение означает смиренное приступание приходящего и представляющего себя на служение Богу. Но поскольку, как мы уже много раз говорили, существует три

степени священносовершителей, которые трех родов святейшими священнодействиями силами действуют на три степени совершаемых, священносовершая спасительное приведение их под иго Божие, то поэтому степень служителей как только очистительная священновыражает (самым делом преклоняя одно колено) одно только приведение к очищению, когда повергает себя пред Божиим жертвенником, которым как бы премирно освящаются очищаемые ею умы. А иереи преклоняют оба колена как бы в знак того, что священноруководствуемые ими не только очищаются, но и священнодейственно возводятся светонеснейшими их священнодействиями после очищения жизни к состоянию и силе созерцания. Иерарх же, преклоняя оба колена, имеет на главе своей богопреданное слово Божие, потому что тех, которые очищены силой священнослужителей и просвещены иереями, он иерархически возводит до соразмерного с их силами ведения виденных ими священнодействий и через это делает приводимых совершенными для доступного им полного посвящения.

ГЛАВА 6

О степени возводимых к совершенству I

1. Таковы чины и степени священнослужебные, их силы, действия и посвящения. Теперь по порядку следует сказать о тройственности степеней, возводимых к совершенству. Итак, мы говорим, что степень очищаемых составляет множество людей, о которых мы уже упоминали, не допускаемых до священнодействий и тайнодействий. Одни из них не допускаются до таинств потому, что еще только образуются и приготавливаются животворному возрождению предварительными поучениями служителей; другие - потому, что еще только воззываются к святой жизни, от которой отступили, увещательными наставлениями благотворного слова Божия; иные - потому, что еще одержимы бывают малодушной боязнью страхования противника и врачуются укрепляющим словом Божиим; одни - опять по той причине, что еще только возводятся от худых дел к добрым; другие же - потому что, хотя и возведены уже, однако не приобрели еще вполне непоколебимой твердости в божественнейших правилах и неизменных навыках жизни. Все это сутьчины и степени очищаемых тайноводством и очистительной силой служителей. Служители тайносовершают их своими священными силами, чтобы, совершенно очистив их, возвестик просветительному зрению и причастию светонесных священнодействий.

2. Среднюю степень составляют те, которые допускаются к зрению, а также по мере приемлемости к причастию во всей чистоте некоторых святых и вверяются уже иереям, дабы от них получать просвещение себе. И, мне кажется, очень понятно, что те, которые очищены от всякой нечистоты, чуждой святости, и во всесовершенной чистоте стяжали непоколебимую твердость духа, уже священнодейственно возводятся в состояние и право взирать на божественнейшие символы и по достоинству делаются участниками их, через это зрение и причастие преисполняются всякой духовной радости и возводительной их силой окрыляются по мере приемлемости в божественном желании получить ведение их. Итак, под этой степенью я разумею весь верный народ, так как он воспринят при

посредстве всякого рода очищений и, сколько ему дозволено, удостоен священного зренья и причастия светоносных тайнодействий.

3. Высшую же степень между всеми возводимыми к совершенству составляет священный чин монахов, с одной стороны, воспринявший всецелое очищение всей силой души и во всесовершенном отречении от дел собственной воли, а с другой - допущенный к зрению всех священнодействий, какие только доступны ему в мысленном созерцании и причастии. Они (монахи) вверяются совершительным силам самих иерархов и при помощи их богомудрых просветительных наставлений и иерархических преданий изучают виденные ими над собою священносовершения священных тайнодействий и отсвященного ведения их возводятся по мере сил к высшему совершенству. Поэто мутобоносные наставники наши и почтили их священными наименованиями, называя их одни ферапевтами, другие монахами по их числу тому служению *уработанию Господеви*, и по их нераздельной и единой жизни, которая объединяет их в благочестивом отречении от разделительных попечений и дел житейских и возводит к богоподобию единству и боголюбозному совершенству. Потому-то и священное законоположение даровало им совершительную благодать и удостоило их некоторого рода посвященного молитвословия не иерархического исключительно, которое неотменно совершается только над одними священнослужительными чинами, но священнослужительского, священносовершаемого и преподобными иереями в священноначальственном тайнодействии второстепенного достоинства.

II. Тайнодействие монашеского посвящения

Иерей стоит пред Божиим жертвенником, священнословствуя монашеское молитвословие. А посвящаемый стоит позади иерея, не преклоняя ни обоим коленам вместе, ни одного какого-нибудь из них и не имея на голове своей богопреданного слова Божия, но просто только предстоит иерею, который священнословит над ним таинственное молитвословие. По совершении же этого молитвословия иерей, приблизившись к посвящаемому, во-первых спрашивает его, отрицается ли он от всякого разделительного образа жизни, но и помысла; потом описывает ему жизнь совершеннейшую, внушая, что он должен стать выше среднего состояния в добродетельной жизни. Когда посвящаемый свободно исповедует все это, иерей, запечатлев крестовидным знамением, постригает его, возглашая Троицу всеблаженного Божества, и по совлечении всех прежних одежд облакает его в одежду другую и вместе с другими мужами, которые при этом присутствуют, дав ему лобзание, делает его причастником богоначальных таинств.

III. Созерцательная сторона

1. Что монах при посвящении не преклоняет ни одного колена и не имеет на голове своей богопреданного слова Божия, а просто предстоит иерею,

священнословящему молитвословие, это означает, что чин монашеский не есть чин, руководственный для других, а сам по себе пребывает в уединенном и священном состоянии, следует засвященнослужебными чинами и через них, как ближайший к ним, возводится в благопослушаниик божественному ведению доступных ему святынь.

2. Отречение от всех разделительных не только дел жизни, но и помыслов выражает совершенство монашеского любомудрия, обнаруживающегося в ведении единотворных заповедей. Ибо это любомудрие, как я сказал, есть принадлежность не средней степенывозводимых к совершенству, а самой высшей. Поэтому многое такое, что в среднем чине могут делать, не подвергаясь осуждению, решительно воспрещается уединенным монахам, так как они должны иметь одно стремление к единому, возводиться к священному единству и по возможности уподобляться жизни священнослужебных чинов, с которыми во многом имеют сродство и находятся в большей близости, чем другие чины возводимых к совершенству.

3. Запечатление крестовидным знаменем означает, как мы говорили уже, отложение всех без исключения плотских пожеланий. А пострижение волос знаменует чистую и чуждую всякой прикровенности жизнь, никакими наружными украшениями неприкрывающую лицемерно душевного безобразия, а внутренне возвышающуюся до богоподобия красотами не человеческими, но единовидными и свойственными жизни уединенной.

4. Отложение прежней одежды и принятие другой выражает переход от обыкновенной добродетельной жизни к совершеннейшей, как и при священном богорождении (крещении) перемена одежды означала возведение очищенной жизни в состояние разума и просвещения. А в том, что иерей и все, какие присутствуют, священные лица дают благословение посвященному, проразумевая священное общение богоподобных мужей, в божественном веселии с любовью сорадующихся друг другу.

5. В конце всего иерей призывает посвященного к богонаначальному приобщению, священно выражая этим, что посвященный если преуспеет в истинно монашеском и единотворном возведении, то будет не созерцателем только доступных ему святынь и не так будет приступать к приобщению священнейших символов, как занимающие среднюю степень, но в божественном разуме восприимлемых им святынь будет приступать к приобщению богоначного причастия иным образом, чем благочестивый народ. Потому и священнослужебным чинам при священносовершительных посвящениях их в конце священнейших их посвящений преподается от посвящавшего их иерарха приобщение святейшей Евхаристии, что принятие богоначных таин есть венец всякого участия в священноначалии, но еще и для того, чтобы все священные чины воспринимали сам божественнейший дар приобщения, каждый соответственно себе, к собственному их возведению и совершенству.

Итак, мы показали, что в святых тайнодействиях заключается очищение, просвещение и совершение; что служители составляют степень очищающую, иереи - просвещающую, а совершающую - богоподобные иерархи; и наконец, что степень очищаемых составляют те, которые не имеют участия в священном созерцании и причащении, как еще очищаемые только, степень допускаемых к видению составляет благочестивый народ, а степень приближенных к совершенству - чин уединенных монахов. Таким образом, наша иерархия, священно благоустроенная из богоустановленных степеней, подобно образна священноначалиям небесным, сохраняя в себе, насколько возможно это между людьми, их богоподражательные и богообразные свойства.

6. Но ты скажешь, что между небесными чиновниками, конечно, нет степени очищаемых, ибо недозволительно и несправедливо было бы сказать, будто бы есть какой-нибудь небесный чин нечистый. Я со своей стороны тоже буду решительно утверждать, доколе не отпаду от священнейшего разума, что небесные чины совершенны и непорочны и премирно чисты. Ибо если который из них и увлекся злобой, то он отпал от небесного, чуждого всякому пороку сообщества божественных умов и увлечен в путь падения отступнических полчищ. Но не погрешим против святости иерархии небесной, если скажем о ней, что очищением для низших в ней существ служит просвещение от Бога в отношении к тому, чего они не знали, - озарение, возводящее их к совершеннейшему разумению богочинального ведения и очищающее от незнания того, чего они еще не разумели, и таким образом при посредстве первых и божественнейших существ, возводящее их к возвышенному и светлейшему свету богозрения. Подобным же образом есть в небесной иерархии и степени просвещаемых и совершаемых, а равно и чины очищающих, просвещающих и совершающих, так как высшие и божественнейшие существа очищают в ней низшие святые и небесные чины от всякого неведения в порядке и соразмерности небесных чиновников, преисполняют их божественнейшими озарениями и возводят их к совершенству во все святейшем ведении богочинального разума. Так именно иными было уже сказано, и в слове Божиим божественно изъяснено, что небесные чины не все равны в священном ведении богозрительных озарений, но что первые из них осияются по мере приемлемости блистательнейшими лучами богочинального света непосредственно от Бога, а низшие - через них уже, хотя также от Бога.

ГЛАВА 7

О том, что совершается над усопшими I

1. После объяснения того, о чем доселе было говорено, нужно, мне кажется, сказать и о том, что священно совершается нами над усопшими, так как это неодинаково для освященных и чуждых освящения; но, как образ жизни тех и других различен, так различно переходят они и к смерти. Сподобившиеся жить в состоянии освящения, обращая взор души на непреложные обетования Богочиналия, истину которых видели в Воскресении Господа, идут к смертному пределу с твердой и несомненной надеждой, с божественной радостью, как к концу священных подвигов: они знают, что после будущего всецелого воскресения их все их существо наследует все совершенную и нескончаемую жизнь и спасение. Ибо освященные души, в продолжение здешней жизни могущие впасть

в перемены к худшему, в пакибытии будут иметь богоподобное свойство неизменности в добре. И чистые тела, сопряженные с освященными душами и сопутствовавшие им, вместе с ними написанные в книге жизни и сподвизавшиеся им в трудах их, свойственно себе *воскресение улучат* в то время, как души утвердятся в состоянии неизменности в жизни Божественной; соединившись с освященными душами, с которыми в здешней жизни составляли одно, быв как бы членами Христовыми, они наследуют богообразный, и нетленный, и бессмертный, и блаженный жребий. Таково-то успение людей освященных, в веселии и с несомненными надеждами приближающихся к концу божественных подвигов.

2. А из чуждых освящения одни неразумно думают, что перейдут в небытие, другие - что связь тел с их душами расторгается однажды навсегда, как бы что-то недостойное душ в богообразной жизни и при блаженном жребии, думают так, не уразумев, как должно, божественной истины, что в нас зачалась уже богообразнейшая жизнь во Христе и ее отнюдь не унижает и не оскорбляет то, что мы носим тело. Иные предназначают душам сопряжение с другими телами, оказывая, как мне кажется, несправедливость тем, какие мы носим, которые сподвизались боголюбивым душам, но, достигнув конца божественнейших подвигов, подвергаются несправедливому лишению священных воздаяний. А другие, не знаю каким образом, уклонившись к земным помышлениям, утверждали, что святейший и блаженнейший жребий, обетованный праведникам, подобен здешней жизни и равноангельским душам в жизни совершенно дерзнули приписывать то, в чем сами находят для себя низкое наслаждение. Но из священнейших мужей никто никогда не впадет в такие и подобные этим заблуждения. Зная, что в целом составе своему улучат жребий, подобный жребию Христову, они, когда приближаются к концу здешней жизни, яснее прозирают в свой путь к нетлению, который делается к ним близок, и воспевают дары Богоначалия и преисполняются божественного веселия, уже не боясь соращения к худшему и совершенно зная, что заслуженными благами будут обладать верно и вечно. Напротив, люди, исполненные мерзости и греховных нечистот, хотя и получившие некоторое наставление в священном учении, но сами к погибели своей выбросившие его из своего ума и увлекшиеся тле творными похотями, когда приходят к концу здешней жизни, уже более не почитают божественного законоположения слова Божия, как прежде, удобопрезираемым, смотря другими очами на пагубные наслаждения своих страстей и святую жизнь, от которой сами безумно отпали, называя блаженной, отрешаются от здешней жизни в мучениях и с чувством только горькой необходимости, не имея в виду никакой святой надежды по причине своей нечистой жизни.

3. Так как при успении причастных освящения ничего такого не бывает, то и сам приближающийся к концу своих подвигов исполняется святой радости и совершенным веселием вступает на путь священного пакибытия, и присные усопшего по родству божественному и по одинаковому образу жизни улаживают его, кто бы он ни был, как победоносца, достигшего желанного конца, посылают благодарственные песнопения Виновнику победы и при этом просят Его, чтобы Он и их сподобил достигнуть подобного жребия. Взяв усопшего, сродники его приносят его к священноначальнику, как бы для воздаяния священных венцов. Тот принимает его с веселием и совершает то, что по уставу священных служб должно совершаться над праведно усопшими.

II. Тайнодействие, совершаемое над благочестиво усопшими

Божественный священноначальник, собрав священный лик и поставив усопшего, если он был священного сана, пред божественным жертвенником, починает молитву к Богу и благодарение; если же усопший принадлежал к чину благоговейных монахов или благочестивым мирянам, то поставляет его близ честного святилища против священнического входа. Потом он совершает благодарственную молитву Богу. Вседза этим священнослужители, прочитав возвещаемые в святом слове Божиим не ложные обетования о нашем священном воскресении, благоговейно поют приличные песнопения, подобные по своему внутреннему значению псалмам в слове Божиим. Далее первый из священнослужителей удаляет оглашенных, провозглашает имена прежде почивших святых, вместе с которыми удостоивает и новопреставившегося одинакового поминаения и приглашает всех просить ему блаженного совершения во Христе. Затем божественный священноначальник, приступив к усопшему, творит над ним священнейшую молитву. После этой молитвы священноначальник сам дает целование усопшему, а за ним и все присутствующие. Когда все уже облобызают почившего, священноначальник возликает на него и, сотворив святую молитву за всех, полагает тело в честном месте в ряду других священных тел людей одного с почившим чина.

III. Созерцательная сторона

1. Если бы чуждые освящения увидели или услышали о том, что над нами совершается над усопшими, они, может быть, посмеялись бы и стали бы выражать сожаление о нашем заблуждении. Но не должно удивляться этому, потому что *еще не уверуют*, как говорит слово Божие, *ниже имут разумети* (Пс. 7, 9). Мы же, презирая значение совершаемого, при световодстве Иисусовом скажем, что священноначальник не неразумно вносит почившего и возлагает среди единичного ему лика. Через это он священно выражает, что в пакибытии все наследуют те или другие жребии, сообразные которыми проводили свою жизнь здесь. А именно тот, кто вел здесь жизнь богоподобную и священнейшую, сколько возможно для мужа, ведущего жизнь богоподражательную, в будущем веке пребудет в жребии божественном и блаженном; и тот, кто вел жизнь, низшую жизни совершенно богоподобной, однако же не чуждую святости, тоже получит священные воздаяния, сообразные с нею. Воссылая благодарение за эту божественную правду, священноначальник творит священную молитву и славословит покланяемое Богоначалие, освободившее нас от злой и мучительной власти ада, тяготевшей над всеми, и переведшее нас к своим праведнейшим судам.

2. Пение и чтение богоначальных обетований изображают блаженнейшие жребии, в которые навеки возведены будут достигшие праведной кончины: в отношении к усопшему они как бы свидетельствуют о принятии его в вечные кривы, а в живущих еще возбуждают желание такой же кончины.

3. Обрати же внимание на то, что теперь отлучаются не все виды, находящихся в состоянии очищения, как обыкновенно, а бывают удаляемы от священных хлибов одни только оглашенные - это потому, что этот вид очищаемых еще не посвящен ни в какое совершенно священное таинство и ему не дозволяется видеть никакого, ни малого, ни великого, священнодействия, так как он не получил еще силы зрения святыни через светоначалное богорождение (крещение). Между тем прочие виды очищаемых были уже посвящены в священное предание. Только безрассудно опять уклонившись к худшему и неся на себе обязанность совершить свое возведение к прежнему, они благословно бывают удаляемы от богоначалного созерцания и приобщения, например в священных символах (в таинстве Евхаристии), так как, недостойно причащаясь их, полу чили бы вред и пришли бы к большому небрежению и о святыне, и о себе самих. Но не без основания допускаются они к тому, что теперь совершается. Наглядно они изучают и видят здесь, как неизвестно время нашей смерти, какие почести провозвещаются в истинном слове Божиим святым и какие нескончаемые мучения угрожают в будущем веке по добным им грешникам. Равным образом полезно для них будет быть свидетелями священнопоминовения праведно скончавшегося в воззваниях священнослужительских как истинного общника всех святых, от века почивших. Может быть, и они почувствуют желание себе того же и научатся из поучительных действий священнослужителей, что кончина во Христе есть истинно блаженная кончина.

4. Потом, подошедши к почившему, божественный священноначальник творит над ним священную молитву, а после молитвы дает ему целование сначала сам священноначальник и за ним все присутствующие. В этой молитве испрашивается у богоначалной Благости отпущение усопшему содеянных им по немощи человеческой грехов и *вчинение его во свете и во стране живых, в недрах Авраама, Исаака, Иакова, в месте, отнюдуже отбеже болезнь, печаль и воздыхание.*

5. Таковы-то всем, мне кажется, понятные блаженнейшие воздаяния святых. В самом деле, можно ли что-нибудь сравнивать с совершенно беспечальными светоносным бессмертием, хотя изображенные в совершенно приспособленных к нам выражениях обетования будущих благ, превышающие всякий ум, имеют у нас наименования, далеко отстоящие от их истинного и действительного вида? Ибо должно почитать истинным слово, что *око не виде, и ухо не слыша, и на сердце человеку не взыдоша, яже уготова Бог любящим Его* (1 Кор. 2, 9). А недра, как я думаю, суть божественнейшие и блаженнейшие жребии блаженных патриархов и всех прочих святых, воспринимающие всех богоподобных в нестаряющееся и блаженнейшее совершение в себе.

6. Впрочем, может быть, ты скажешь, что это нами правильно сказано, но представляется недоумение, для чего священноначальник испрашивает у богоначалной Благости усопшему оставления согрешений его и пресветлого наследия, равночинного богоподобными душами? Если всякий получит от божественного Правосудия воздаяние за то, что сделал в настоящей жизни доброго или недоброго, а усопший уже окончил собственную деятельность здешней жизни, то какой священноначальнической молитвой мог бы он быть преставлен в другой жребий, кроме того, которого достоин он и

который соответствует его здешней жизни? Я также хорошо знаю, следуя слову Божию, что каждый получит заслуженный удел. Сам, сказано, Господь воздаст и *примет кийждо* *яже с телом содела, или блага, или зла* (2 Кор. 5, 10). С другой стороны, истинные предания слова Божия учат нас, что молитвы праведных и в этой жизни не только уже по смерти оказывают действие на тех только, которые достойны священных молитв. Какую пользу получил Саул от Самуила? Какой плод принесла народу еврейскому молитва пророка? Подобно тому, кто, когда солнце подает свет свой для здоровых глаз, захотел бы быть причастником солнечного света, тогда как свое зрение помрачил, невыполнимые и напрасные питал бы надежды тот, кто просит молитв у святых, а между тем отогнал от себя их естественное священное действие небрежением к божественным дарам и удалением от светлейших и благоподательных заповедей. Но, следуя слову Божию, я утверждаю, что молитвы святых в этой жизни, без сомнения, полезны в таком случае, когда кто-нибудь, стремясь к снисканию священных даров и имея священную способность к принятию их, приходит как бы в сознании своего недостойнства к кому-либо из праведных мужей и просит его быть своим помощником и сомолитвенником: такой, несомненно, получит от этого величайшую пользу. Он получит те божественнейшие дары, которых просит, будучи принят под кров богочестивой Благости ради своего смиренного настроения души, ради почитания, какое питает он к праведным, ради похвального стремления испрашиваемым благам священным и благоприличного и боголюбивого порядка молитвы. Ибо и то богочестивой же Волей узаконено, чтобы божественные дары воспринимались достойными в благолепном чине, будучи подаваемы через людей, достойных преподавать их. Потому, если бы кто не почтил этого священного благоучреждения и, дошедши до жалкого самомнения, почел бы себя достойным непосредственной беседы с Богом пренебрег помощью праведных, или стал приносить молитвы, недостойные Бога и не святы, или не имел стремления, соответствующего благам божественным и прилично самому себе, как просящему благ, тот сам через себя не достиг бы того, чего неразумно просит. Что же касается упомянутой молитвы, которую священноначальник совершает над усопшим, нам нужно сказать предание, дошедшее до нас от богопросвещенных наших начальников.

7. Божественный священноначальник есть, как говорит слово Божие, провозвестник богочестивых судов (оправданий): *Ангел бо Господа Бога Вседержителя есть* (Мал. 2, 7). И знает он из богопреданного слова, что праведно пожившим воздается по заслуге, определяемой праведнейшими весами, светочестивая и божественная жизнь, а прибывшую им по человеческой немощи нечистоту богочестивое Человечество по благости своей презирает, потому что никто, как говорит слово Божие, нечист от скверны. Все это священноначальник знает как возвещенное в истинном слове Божию, и просит, чтобы это так именно было и праведно пожившим дарованы были священные воздаяния; с одной стороны, просит, сам благообразно настраиваясь к богоподражанию и испрашивая даров другим, как бы милости себе, а с другой - в собственном живом убеждении, что нелегкие обетования несомненно сбудутся, и присутствующим благовестительно внушая, что испрашиваемое им по священному установлению непременно сбудется над преуспевшими в божественной жизни. Стал ли бы в самом деле священноначальник, истолкователь богочестивой Правды, испрашивать когда-нибудь того, что не было бы вполне приятно Богу и дарование чего не было бы Им благолепно обетовано?! Потому-то Он не испрашивает этого усопшим, непричастным освящения, не только потому, что в таком случае он отступил бы от долга истолкователя воли Божией и дерзнул бы священноначальнически действие совершить по собственной воле, а не по движению от Тайносовершителя, но и потому, что не получил бы исполнения этой нечистой молитвы,

услышав по справедливости от праведного слова Божия: *Просите, и не приемлете, зане зле просите* (Иак. 4,3). Итак, божественный священноначальник спрашивает того только, что Богом обетовано, и благоприятно Ему, и несомненно будет даровано, являя, таким образом, и пред благолюбивым Богом собственное благоустроено расположение души, и присутствующим провозвестнически открывая несомненно будущие для праведных дары. Равным образом, священноначальники, как провозвестники Божиих судов, имеют силу и отлучать не так, чтобы премудрое Богочадие, выражаясь с благоговением, покорно следовало порывам их неразумного гнева, но так, что они, как провозвестники воли Божией, отлучают по внушению тайносовершительного Духа Святого, кто уже осужден Богом по заслуге. *Примите*, сказано, *Дух Святой: имже отпустите грехи, отпустятся им: и имже держите, держатся* (Ин. 20, 22). И тому, кто просвещен был божественными откровениями всеятейшего Отца (Мф. 16, 14), сказано в слове Божиим: *Еже аще свяжеша на земли, будет связано на небесах, и еже аще разрешиши на земли, будет разрешено на небесах* (Мф. 16, 19), так что он и всякий другой подобный ему священноначальник равным образом принимал боголюбивых и отвергал безбожных, следуя бывшим ему явлениям оправданий Отчих, как провозвестник их и посредник. Ибо и он (св. Петр) изрек то священное богословие, по выражению слова Божия, не от себя самого, не по откровению плоти и крови, но от Бога, посвятившего его в тайны божественные (Мф. 16, 17). Так и богопросвещенные священноначальники должны употреблять и отлучения, и всякую священноначальническую власть так, как бы они движимы были к тому тайносовершительным Богочадием. И все прочие должны внимать священноначальникам, когда они действуют священноначальнически, как движимым от Бога, ибо *отметайся вас*, сказано, *Мене отмечается* (Лк. 10, 16).

8. Но перейдем к тому, что следует за упомянутой молитвой. Окончив ее, священноначальник сначала сам целует усопшего, а за ним и все присутствующие, потому что совершивший подвиг жизни богоугодной возлюблен и достоуважаем для всех богообразных мужей. После же целования священноначальник возливает на усопшего елей. Припомни, что при священном богорождении (крещении) перед божественнейшим погружением преподается крещаемому первая доля причастия священного таинства - елей помазания - после всецелого совлечения преемственной одежды. Так и теперь, в конце всего, возливается на усопшего елей. Тогда помазание елеем воззывало крещаемого священным подвигам, а теперь возлияние елея указывает на то, что усопший потрудился в этих священных подвигах и достиг совершенства.

9. По окончании этого священноначальник полагает тело усопшего в честном месте, в ряду тел других святых, единичных усопшему. Это потому, что если усопший проводил боголюбивую жизнь по душе и по телу, то вместе с праведной душой должно быть почтено и тело, сподвизавшееся ей в священных трудах. Потому и правосудие Божие дарует ей заслуженные воздаяния вместе с ее собственным телом, как сподвижником ее и соучастником в жизни праведной или неправедной; потому же и божественный устав священнодействий дарует богочальное общение обоим им вместе, именно душе в чистом созерцании и ведении совершаемого, а телу как бы под образами божественнейшем мире и в священнейших символах богочального причащения, освящая всея человека, священносовершая всецелое его спасение и освящением всего существа его предвозвещая ему совершеннейшее воскресение.

10. Что же касается совершительных призываний, то непозволительно истолковывать их письменно и таинственное значение их, равно как и совершаемые через них Богом действия, выводить из тайны к общеизвестности. По чину нашего священного предания узнав их из тайных наставлений и при помощи любви Божией и священного содействия иерархического достигнув божественнейшего порядка жизни и высоты, ты будешь возведен к высшему ведению таиносовершительных наставлений.

11. Наконец, в том, что дети, еще не могущие понимать вещей божественных, бывают причастниками священного богорождения и священнейших тайн богоначального общения, чуждые освящения, находят, как говоришь ты, достойным справедливого смеха, когда иерархи учат вещам божественным тех, которые не могут еще слышать, и понапрасну преподают священные предания тем, которые еще ничего не смыслят и, что еще будто бы смешнее, когда другие произносят за детей отрицания и священные обеты. Твоему священноначальническому разумению должно не негодовать на заблудших, но благоразумной с любовью ради их вразумления давать ответ на приводимые ими возражения, поставляя на вид в защиту священного установления и то, что наше ведение не обнимает собою всего божественного, что многое непонятное нам имеет свои богоприличные основания, нам, может быть, и неизвестные, но ведомые степеням, высшим нас, а многое сокрыто даже и от самых высших существ и вполне известно только одному премудрому и мудростеподательному Богоначалию. Впрочем, мы скажем теперь и об этом предмете то, что передали нам, научившись из древнего предания, богообразные наши священносовершители. Они говорили, что и справедливо, что младенцы, будучи возводимы к таинствам по священному законоположению, будут вводиться в священный порядок жизни, делаясь свободными от всякого нечестия и отдаляясь от жизни, чуждой святости. Приняв это во внимание, божественные наставники наши положили принимать младенцев по священному чину так, чтобы естественные родители при водимого ребенка передавали его какому-либо из посвященных в тайны учения божественного добродетельному руководителю, которым бы впоследствии дитя было руководимо, как богодарованным отцом и споручником священного спасения. Когда этот даст обет руководить младенцем в святой жизни, священноначальник повелевает произносить отречения и священные обеты отнюдь не так, как бы он посвящал в Божественные Тайны одного вместо другого, как говорят те порицатели. Восприемник не говорит: «Вместо ребенка я делаю отречения, или священные обеты», но говорит, что ребенок отрицается и сочетавается, т. е. как бы так: «Я даю обещание внушить этому младенцу, когда он будет входить в разум и в состоянии будет понимать священное, чтобы он отрицался всецело всего вражьего и исповедовал и исполнял на деле божественные обеты». Мне кажется, ничего нет страшного в том, что дитя руководится в божественном воспитании, имея у себя руководителя и священного восприемника, который вкореняет навык к божественному и хранит его непричастным всему вражескому. Священноначальник прежде подает также ребенку и причастие священных тайн, чтобы он напитался ими и не знал бы другой жизни, кроме той, которая всегда устремлена к божественному, и причастие тайн возвращает в святости, утверждает в священных навыках и священнолепновозводит к совершенству под влиянием богообразного восприемника.

Таковы-то, чадо, и так прекрасны доступные для меня единовидныетайны нашего священноначалия. Может быть, для других, прозорливей ших умов зримоне только это, но и гораздо более светоносное и богообразнейшее. И для тебя, какя думаю, воссияют красоты, несрав ненно светлейшие и божественнейшие, когда, пользуясьуказанными ступенями, ты взойдешь к высшему озарению. Преподай тогда, возлюбленныймой, и ты мне осияние совершеннейшее и покажи очам моим те благолепнейшие и единовиднейшиекрасоты, которые, без сомнения, сподобишься видеть, ибо я с дерзновением уповаю,что тем, что сказал, возжгу хранящиеся в тебе искры божественного огня.